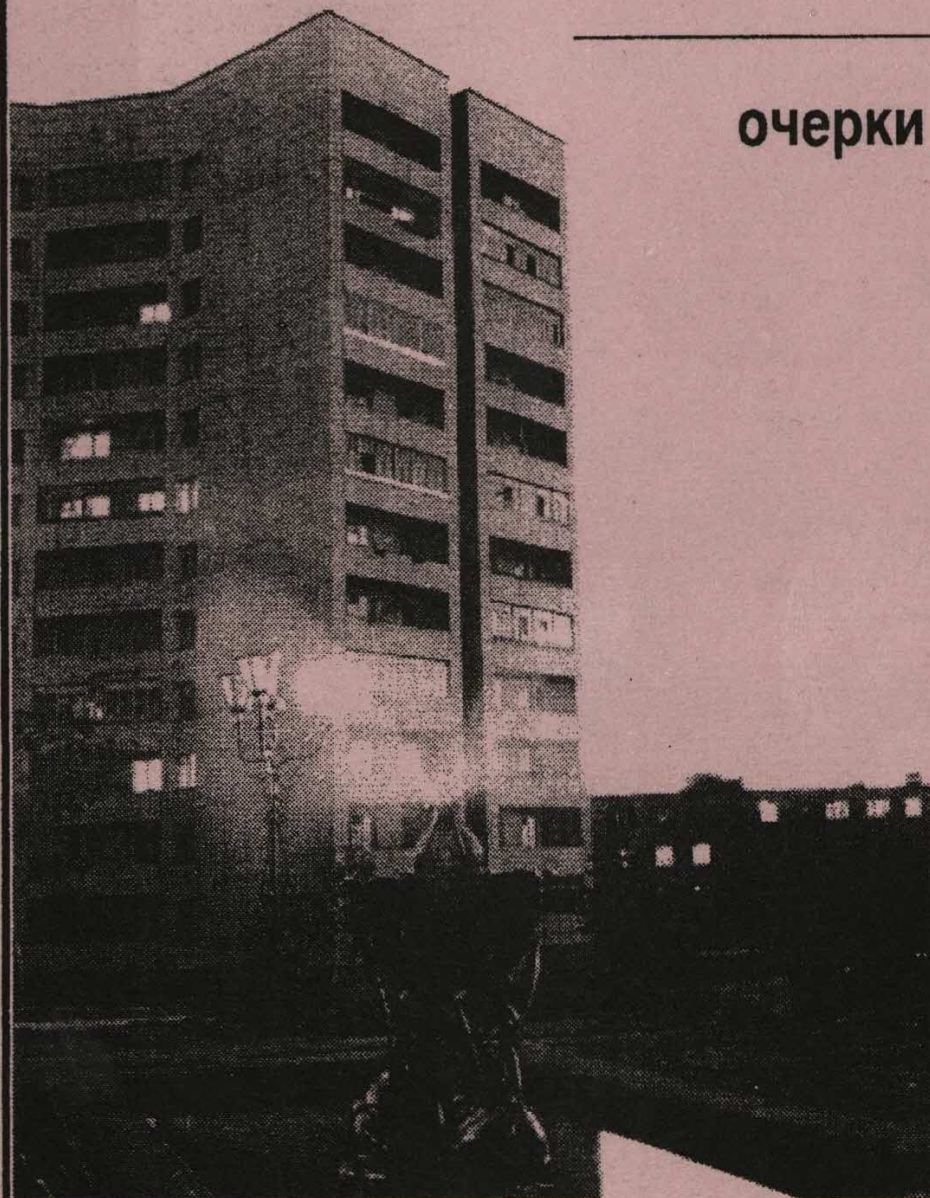

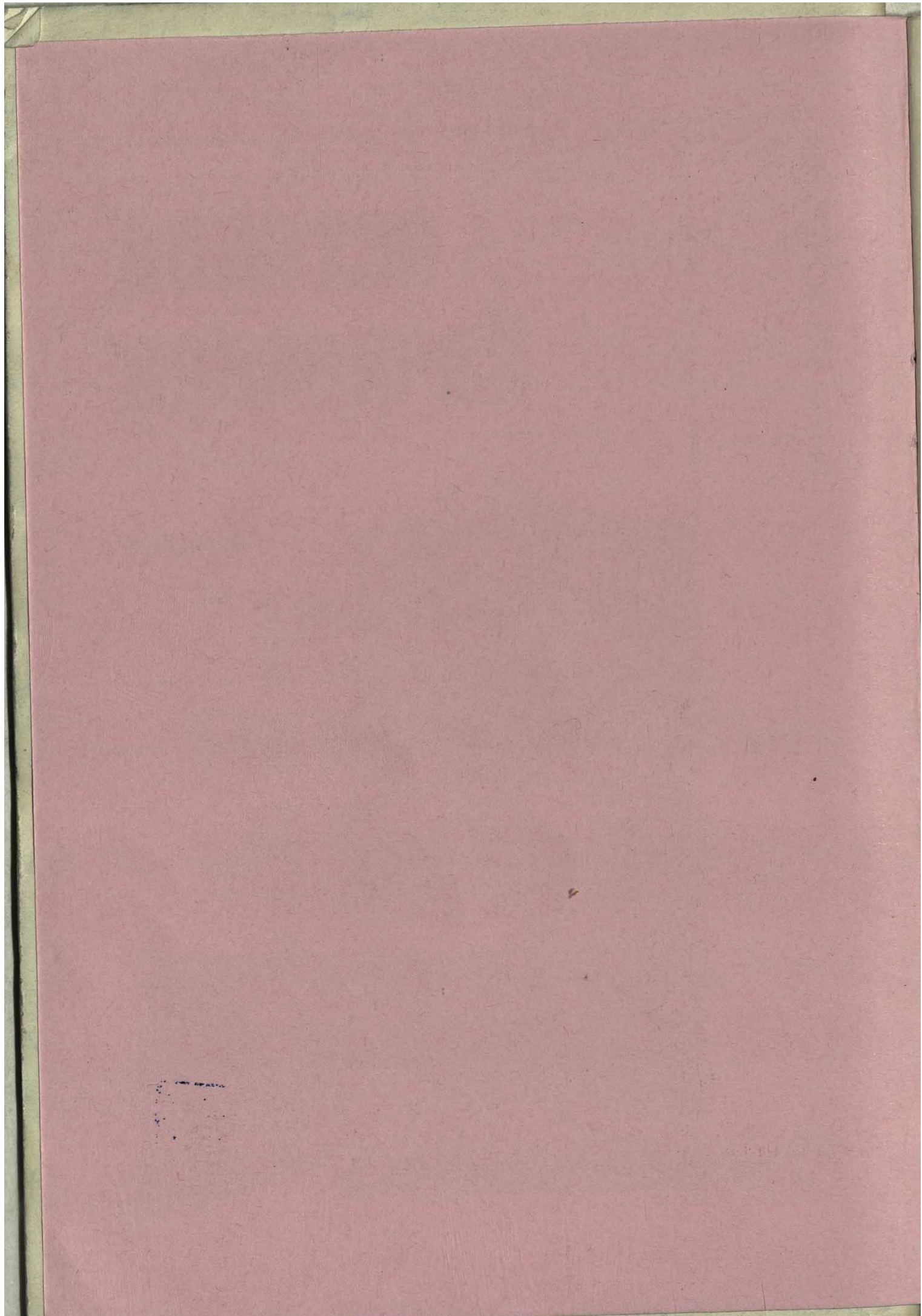
Галина КРАСНОПЕВЦЕВА

У истоков Качканара

очерки

Средний Урал
1998

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА

Содержание

У истоков Качканара

С детства со мной	27
С весной в сердце	37
Ей очень весело на хороших людях	43
Пустая и измученная	47
Родная душа	51
Самому и нетру на встречу	57

очерки

Средний Урал
1998

Юношеская
библиотека

У истоков
Качканара

АВАНГАРДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

ОБЛОЖКА

В основу книги легли очерки и зарисовки, опубликованные в разные годы в газете "Качканарский рабочий"

Краснопевцева Г.П. У истоков Качканара. Иллюстрации из семейных альбомов качканарцев и архива редакции.

Фото на первой странице обложки Петухова А.Д.

Качканарский район
У истоков

Средний Урал
1991

Содержание

Качканар зовет	5
Потехинские соловьи	9
Первенец	13
Свет далекой юности	19
Первые встречи	23
Шурины горизонты	27
С песней по жизни	31
С весной в сердце	37
Ей очень везло на хороших людей	43
Простая и удивительная	47
Родник души	51
Солнцу и ветру навстречу	57

Содержание

5	Качканар совет
9	Петехинские соловьи
13	Певчие
18	Свет далекой юности
23	Первые встречи
27	Шуточные рассказы
31	С песней по жизни
37	С весной в сердце
43	Ей очень важно на хороших людей
47	Горькая и удивительная
51	Родник души
57	Солнцу и ветру на встречу

В основу книги легли очерки и зарисовки, опубликованные в разные годы в газете "Качканарский рабочий"

Красноперцева Г.Д. У истоков Качканара. Иллюстрации из семейных альбомов Качканарцев и архива редакции.

Фото на первой странице обложки Петурова А.Д.

Женщинам города юности ПОСВЯЩАЮ

Качканар зовет

Качканар... Он давно и властно звал меня к себе.

В 1957 году вся страна услышала его молодой голос, его звонкое имя. Качканар. Он явился тогда ко мне в образе молодого парня. Не помню теперь, как того парня звали, но хорошо помню его восторженные слова:

— Начинается большая стройка... Представляете: природа и человек, тайга и люди. А люди там настоящие! С группой ребят из Свердловска снимаем о них любительский фильм.

А потом был год 1960-й. Алапаевский вокзал. В тесном зале ожидания я вновь услышала это магическое слово. Говорила молоденькая женщина с ребенком на руках.

— А нам в Качканар, — отвечала она кому-то. Сказала негромко, но услышали, кажется, все и засыпали женщину вопросами. Она пеленала маленькую дочурку, смотрела на нее с нежной улыбкой и говорила — неторопливо, напевно, словно сказку рассказывала:

— Далеко ли? Да не очень. Вот дождемся тагильского и поедем, там еще пересадочка — и мы дома... Детские ясли? Конечно, есть. И школа у нас есть, и больница, и магазин. Правда, Любушка? А чего нет, то обязательно будет: улицы широкие, дома высокие, Дворцы культуры. И еще — комбинат, удивительный комбинат! Правда, Любушка? Все будет! Не верите?.. А вы приезжайте к нам. Приезжайте! — юное лицо в белокурых кудряшках осветилось задорной улыбкой, зеленые глаза с отблеском тайги излучали упрямство и веру. Так вот ты какой, Качканар!

И был год 1964-й. Кривой Рог. Днепропетровское телевидение вело передачу о друзьях по соревнованию — трудящихся Свердловской области. И показывали Качканар: двухэтажные домики на склоне горы, панораму комбината, какой-то водоем и почему-то яхту под парусом. Диктор говорил о молодом уральском поселке, о комбинате, который недавно вступил в строй действующих, о людях. Менялись кадры, а я все видела этот парус, который плыл по водной глади и звал за собой.

И вот, покинув благодатный юг, мы с мужем устремились вслед за парусом. Смеялись над собой: с Урала в Качканар с пересадкой в Кривом Роге. Мы не думали, нужны ли Качканару. Мы знали: Качканар нужен нам.

Поезд остановился. Небольшое здание вокзала, на котором написано: "Качканар. Всесоюзная комсомольская стройка".

Где Качканар? Где стройка? Кругом — лес. А справа от вокзала — корпуса комбината, высокие трубы; и гудки, шум, грохот — могучее дыхание предприятия.

— Как пройти в центр?

— А вот по этой дороге, через лес...

Дорога идет в гору. Нас встречают сначала перелески, потом — дома. Двухэтажные, деревянные. Наконец, оживленный центр: высокие каменные здания, школа, кинотеатр "Юность" в окружении берез... А по краям улицы — большие камни, следы бурелома; впечатление такое, будто кто-то гигантским подъемным краном взял да и опустил этот новый город в глухую уральскую тайгу.

День солнечный, ясный. Качканар, засыпанный снегом, приветливо улыбается нам, как та белокурая женщина с лучистыми глазами, в которых отражалась тайга, светились мечта и вера.

Говорящие улицы

Качканар в те годы был рабочим поселком, но все говорили о нем: город юности. Еще не пролегли здесь широкие проспекты, были только первые улицы, но они тоже о многом говорили. О чем же рассказали мне эти улицы?

...Тайга была непроходимой. Дремучие ели да могучие кедры росли на склонах горы Долгой. Лес и лес без конца. Таким впервые увидели этот край молодые строители. Они пришли сюда, словно Ермак в далекую Сибирь, — и тайга покорила, посторонились кедры и ели, а по горным отлогам изгибами протянулись улицы Горная, Таежная, переулки Лесной, Кедровый, Нагорный, улица Ермака, переулок Строителей.

Советская молодежь, комсомольцы строили в тайге новую жизнь — и вырастали улицы Советская, Комсомольская, Новая.

Не появилось еще качканарское "море", были только его березовые берега, но уже имелась улица Набережная, имя которой говорило о будущем и звучало глубокой верой в человека труда.

Каждый год приносил новые успехи, каждый год вместе со всей страной качканарцы встречали октябрьские и Первомайские торжества. Они любили свой будущий город и Родину Октября. О глубоком патриотизме молодых строителей го-

ворят улицы Октябрьская, Качканарская, Первомайская — первые магистрали города.

В городе юности живет поэтический народ. Здесь любят литературу, дружат с книгой. Не случайно же третья часть улиц носит имена поэтов и писателей: Пушкина, Некрасова, Крылова, Тургенева, Шевченко, Толстого, Чехова, Бажова, Маяковского.

Растет город. Качканарцы работают, учатся, воспитывают детей. И самая заветная их мечта отражена в названии улицы Мира.

Я ходила по заснеженным улицам Качканара и отчетливо слышала слова того восторженного парня, который, то ли спрашивая, то ли утверждая, говорил: "Вы представляете: природа и человек, тайга и люди"... Да, я представляла теперь эту природу, эту тайгу, покоренную, отступившую, удивленную мужеством и дерзостью людей. Не буду говорить обо всей тайге, расскажу об одной только елке, судьба которой оказалась тоже удивительной.

Елка

...Много лет стояла она в уральской тайге. Ей не страшны были летние ливни и грозы, зимние метели и морозы, потому что всегда она чувствовала рядом своих друзей и братьев. Их тесное колючее содружество казалось Елке вечным и нерушимым.

Но однажды Ветер принес ей весть о том, что пришли откуда-то люди — и тайга покоряется им. Не поверила Елка: ведь то был переменчивый ветер мая 1957 года. Не поверила Елка потому, что никогда еще не видела людей.

Прошло лето. И зима. И еще одно лето. Ветер доносил звон топоров и шум машин. Эти звуки тревожили Елку. Но когда землю вновь покрыл снег и на ветвях своих она почувствовала его привычную и приятную тяжесть, окончательно успокоилась и все услышанное от Ветра показалось ей только сном или страшной сказкой.

Стояла как-то Ель в декабрьской дреме и вдруг услышала:

— Вот эта мне нравится больше всех. Руби!

Говорили о ней. "Неужели тех и рубят, которые нравятся?" — только и успела подумать Елка. А дальше все пошло с непривычной головокружительной быстротой. Ее куда-то везли, и Елка не переставала удивляться. Оказывается, лес имеет конец. Существуют дома и улицы: Октябрьская, Качканарская и недавно заселенная улица Мира. А один из домов называется клуб "Строитель".

Сюда привезли и поставили Елку. Все было необычным: уют и тепло этого здания, потолок вместо неба над головой, звонкий наряд, в какой одели лесную гостью, и одиночество, и тоска, тоска зеленая...

Но одиночество оказалось недолгим. Вечером зал наполнился людьми, молодыми, красивыми, нарядными. Много узнала Елка в новогоднюю ночь. Эти люди — строители. Они талантливы: умеют работать, петь и плясать, мечтать и дерзать. Эмма Прокопенко, Анатолий Иванов, Верочка Сидорова, Нина Литвиненко, Мира Михайловна — весь вечер звучат имена участников и руководителей художественной самодеятельности.

И увидела Елка: из грота, что на сцене, выходит гордая Хозяйка Медной горы и вручает все богатства земли уральской простым русским людям — Ивану да Марье.

И поняла Елка, зачем пришли в тайгу люди. Они возведут здесь гигант черной металлургии. Они могут все. Нужна была вода — построили первый водопровод и насосную станцию; нужен свет — протянулась ЛЭП Ис-Качканар; нужно тепло — и возникли временные котельные. Люди пришли сюда пешком, а 7 ноября 1958 года раздался гудок первого паровоза, который пришел их Азиатской с грузом для строителей. Появились магазины, детские сады...

И узнала Елка: все это не чудеса и не сказки. Все это сделали люди. Их, беспокойных и неутомимых, много. Они здесь по праву. И открывает Медной горы Хозяйка свои секреты людям.

Кружатся пары, приветливо качаются зеленые ветви Елки, и нет больше слез в ее смолистом сердце. Елка знает, что умрет. Но если она стала нужна людям, если и она в канун Нового, 1959 года принесла им радость, — значит, жизнь ее прошла не зря.

Да, это была не сказка. Не было гигантского крана, который взял и поставил прямо в лес этот город в готовом виде. Были люди. Обыкновенные, простые.

Клуб, где еще накануне, в паровозной мастерской, когда подымались вагоны, шуршавшие по рельсам, можно было увидеть в клубе, где еще накануне, в паровозной мастерской, когда подымались вагоны, шуршавшие по рельсам, можно было увидеть в клубе, где еще накануне, в паровозной мастерской, когда подымались вагоны, шуршавшие по рельсам, можно было увидеть

ОТЕХИНСКИЕ СОЛОВЬИ

Они встретились в редакции газеты, где готовился номер, посвященный 20-летию Качканара.

— Девочки, милые, сколько лет, сколько зим! — объятия, поцелуи, радостные приветствия.

— Мы вас на улице ждем, а вы уже здесь...

— А я фотокарточки принесла. Вот посмотрите: мы на лыжах катаемся, помните?

— Ой, да неужели это мы? Такие молоденькие и смешные... — и снова вопросы, восклицания, шутки, дружный смех.

Маленькая комната в редакции расцвела от их улыбок, озарилась светом ясных глаз и, словно роща весной, зазвенела веселым многоголосьем. Эти звонкие голоса, оживленные рассказы, воспоминания сливались в прекрасную песнь о Качканаре, о вечной юности и волновали душу, словно трели соловья.

Оказалось, что эти женщины и впрямь соловьи, да не простые, а качканарские, точнее — потехинские. Почему? Да по фамилии Дмитрия Алексеевича Потехина. Все они были из его бригады, той самой, где с утра до вечера не смолкали песни. Разными путями-дорогами пришли они в эту трудовую певучую семью.

...Девушка шла по лесу, прислушиваясь к птичьим голосам да к перезвону топоров невдалеке. Она только что добралась сюда из Баранчи и искала своего отца, который работал сторожем.

— Степан Иванович Безруков? Знаем, склад у нас вон там, — сказали ей, и девушка заспешила к указанной палатке.

Степан Иванович Безруков и кладовщик Александр Алексеевич Проскуряков были заняты своим нехитрым хозяйством. Не успела девушка поздороваться, как к галатке подошли два рослых парня. Они получили гвозди и что-то очень долго возились с ящиком.

— Интересно получается, — сказала девушка. — Такие большие, а сорок килограммов унести не могут...

— Так, может, вы поможете?.. Отказываетесь?.. Ну и зря. Ведь вполне вероятно, что вот этот плотник Вася станет вашим мужем. А вы с ним так непочтительно!..

Обидеться она не успела: парни удалились, а девушка обратилась к отцу — забт на новом месте у нее тоже немало.

Не успела как следует устроиться с жильем — над тайгой опустился вечер. Ожил галаточный городок, потом наступило недолгое затишье, и вдруг прямо из-за деревьев полилась музыка. То нежная и грустная, то веселая и задорная, приправленная чьим-то звонким смехом, она так и манила к себе. И девушка отправилась на зов тальянки.

На небольшой площадке были танцы. Молодежь в рабочих комбинезонах и сапогах кружилась в вальсе, пела, смеялась. А недалеко от площадки стояла большая печь — настоящая, русская. Девушка подумала о том, что без такой вот печки в палаточном городке не обойтись...

— А вот и я. Разрешите? — прервал ее мысли чей-то голос. В высоком парне девушка узнала плотника Васю. Бросила на него колкий взгляд, с минуту подумала, потом доверчиво положила руку на его плечо. Парень бережно и уверенно повел ее по кругу.

С тех самых пор и пошли они по жизни вместе, Надежда Степановна и Василий Васильевич Большагины.

...Высокая хрупкая девушка стояла перед Семеном Степановичем Мальцевым.

— Что можешь желать?

Молчание.

— Карниз у дома знаешь?

Молчание.

— Так что ты будешь тянуть: резину или карниз?

— Хоть то, хоть другое...

— Ну, иди в лес.

В лес, так в лес. Указали ей бригаду, и с первых июньских дней 1957 года стала Тамара Хасанова строителем Качканара.

Жили сначала в Валериановской школе, а через месяц-полтора перевели их в палатки на Долгую гору. Трелевали лес, разгружали и сортировали детали для сборных домов, собирали бутовый камень — делали все, что требовал Качканар.

А в сентябре были созданы две бригады маляров во главе с Михаилом Урядовым и Дмитрием Потехиным. Рая Комарова, Капа Бирюкова, Ира Хакимова и Ира Рябова, Нина Потехина и Нина Жуланова, Надя Таширева и Надя Безрукова, Гера Гаркачева и Вера Сидорова, Валя Проскуракова и Валя Полякова, Галя Юмина и Галя Бабилова, Роза Волкова, Люда Третьякова — вот они, первые маляры Качканара, первые качканарские соловьи.

Не потому ли пели девчонки, что слово “маляр” звучало для них лучше музыки? Ведь коль появилась нужда в малярах — значит, прощайте, палатки; здравствуйте, жилые дома! Они гордились своим званием, были молоды и упорны, а потому работали без усталости и пели. Да и как не петь, если с песней не замечаешь трудностей, если “песня строить и жить помогает”.

Они строили город юности, а жили в палатках. Двадцать шесть человек под одной брезентовой крышей. Днем нарабатываются, вечером натанцуются, ночью спят, как убитые. А утром приятный женский голос поет:

— Не спи, вставай, кудрявая!

В цехах звеня,

Страна встает со славою

Навстречу дня.

Так обычно будила девчонок Нина Федоровна Литвиненко — комендант палаточного городка, их старшая подруга и мать. Под звуки песни девчонки просыпались и вместе со всей страной вставали навстречу новому трудовому дню.

Когда открылся клуб “Строитель”, многие из потехинских соловьев стали петь на сцене, а Верочка Сидорова в свободное от работы время руководила в клубе танцевальным кружком.

Вся стройка знала эту невысокую русоволосую девушку, в которой было столько веселья, жизнелюбия, энергии! Но трагически оборвалась Верина жизнь, словно лопнувшая струна, как недопетая песня.

Клуб, где еще накануне, в Первомайский вечер, плясала и пела Вера, не мог вместить всех, кто пришел проводить ее в последний путь. Стояли в зале, в фойе, на пороге, на улице, со слезами на глазах слушали прощальные слова, которые скорбными аккордами неслись над Качканаром. Комсомольцы и молодежь клялись, что построят прекрасный город и воздвигнут памятник ей, Вере Сидоровой.

И когда через некоторое время в парке “Строитель” появилась скульптура девушки в комбинезоне и с мастерком в руке, потехинские соловьи не сомневались, что это она, их Вера: уж очень похожа и лицом, и фигурой.

Трудно было поверить, что ее больше нет. Да и теперь, через много лет, они говорят о Вере, как о живой: все эти годы она вместе с ними — веселая и общительная, красивая и навсегда молодая. Как и Лида Позднякова, погибшая на станции Чекмень.

Вот что рассказала о Лиде Надежда Михайловна Станкевич, которая с 1956 года работала в механизированной колонне, а уж потом — в певучей бригаде Потехина.

— Мы строили железную дорогу на Качканар. Лида Позднякова, как и Вера Сидорова, была из детдома. Родителей не помнила, но всегда очень тепло отзывалась о людях, среди которых выросла. После школы пошла на ткацкую фабрику. В Качканар приехала по комсомольскому призыву.

Работа у нас была не из легких, но Лида никогда не жаловалась. Наверное, потому, что очень любила петь и танцевать. Как сейчас, вижу ее на танцах в паре с Машей. Голубое шелковое платье облегает стройную фигурку, светлая кудрявая голова слегка откинута назад, Лида улыбается и кружится, кружится...

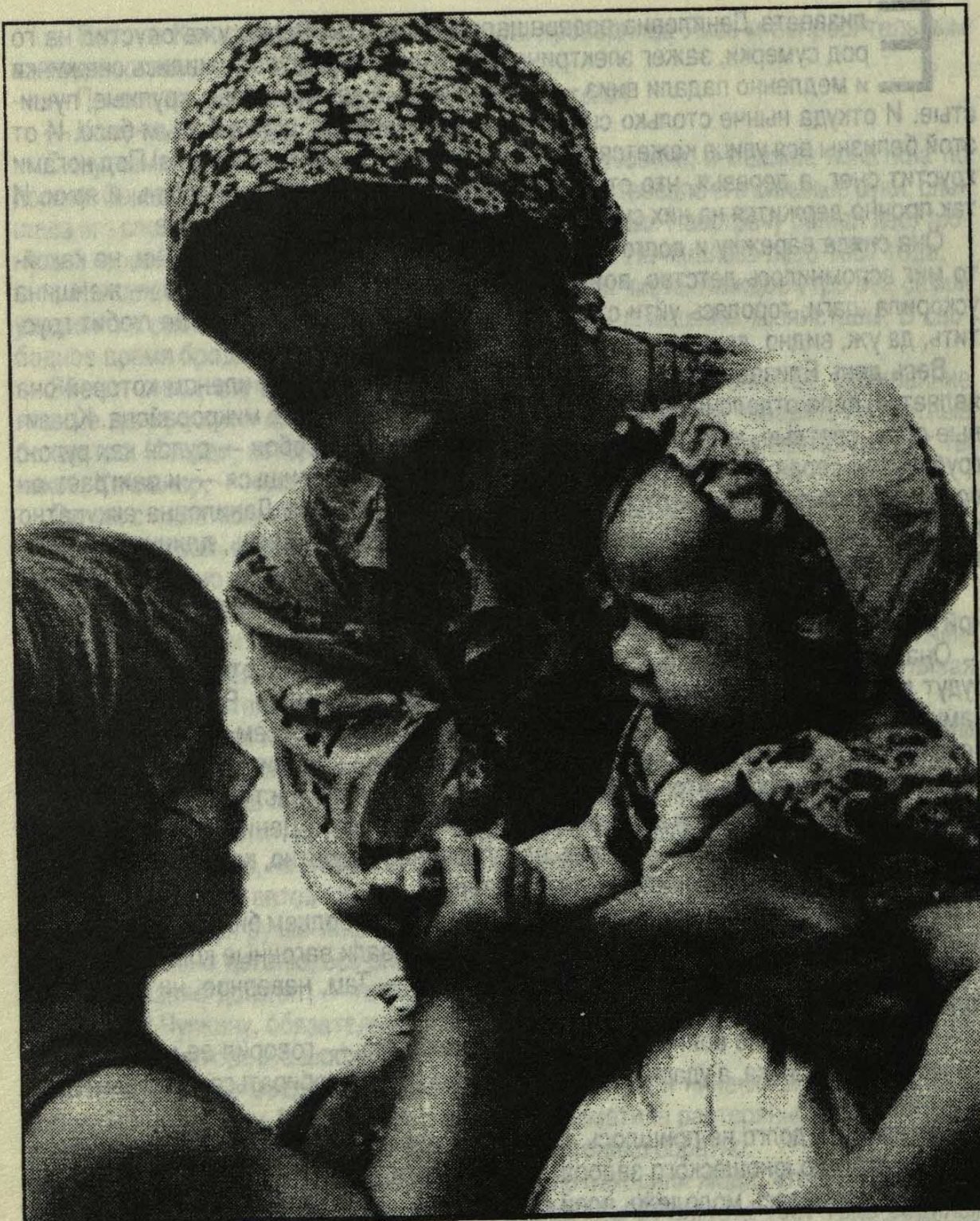
Она жила с улыбкой, не помню ее грустной. Только накануне своей гибели была какая-то странная: то ли предчувствие, то ли просто совпадение... Пришла в комнату, позвала меня гулять. Вечер был теплый. Взявшись за руки, шли мы по железнодорожному полотну, потом свернули в лес, нарвали цветов. Настроение у Лиды поминутно менялось. "Что-то не пойму себя сегодня. Почему-то плакать хочется". — "А ты поплачь, легче станет", — сказала я, а Лида, улыбнувшись, пропела: "Что-то мне не плачется, на душе светло..."

Это был ее последний вечер. Лида любила жизнь, мечтала иметь много детей и очень хотела увидеть город, ради которого она приехала в уральскую тайгу. Она верила, что этот город, наш Качканар, будет большой и красивый.

Мы все верили в это. Помню, зашел к нам в общежитие Саша-художник, он в командировку приехал. Играет на гитаре и говорит: "И зачем вы сюда приехали? Ведь в этом лесу вся ваша молодость пройдет, красета завянет." — "А ты знаешь, кто вот тут спит?" — спросила я и показала на соседнюю кровать. — Это девушка-архитектор. Она приехала, чтобы здесь кинотеатр построить. Понимаешь?.. Все у нас будет: театры, дворцы, дома высотные!" — "Может быть, может быть, — сказал Саша. — Только вы в то время будете, — он ударил по струнам и пропел: возить внучат в коляске, рассказывать им сказки..." Не верил, сомневался. А мы верили!

Не потому ли и пели девчонки, что верили; сквозь таежную топь, сквозь неуют и холод видели они будущий город.

Прошли годы. Повзрослели девчонки, детей вырастили. Но не завяла их красота, не ослабли голоса потехинских соловьев. Каждая из них и все они вместе прекрасны, как песнь, как поэма. Каждая из них и все они вместе поют прекрасную песню. Вдохновенный труд и крепкая любовь, счастье трудных дорог и верность идеалам юности, память о погибших, о прошлом и мечты о будущем — все слилось в этой песне с коротким названием: Качканар.

ервенец

Елизавета Даниловна возвращалась с работы. Вечер уже опустил на город сумерки, зажег электрические огни. В их свете кружились снежинки и медленно падали вниз — не снежинки, а целые хлопья, крупные, пушистые. И откуда нынче столько снегу? Ведь еще октябрь, а уже белым-бело. И от этой белизны вся улица кажется светлей и шире, и дышится так легко! Под ногами хрустит снег, а деревья, что стоят вдоль дороги, по-осеннему нарядны и яркие. И так прочно держится на них сухая листва. Говорят, это к суровой зиме.

Она сняла варежку и долго смотрела, как тают снежинки на ладони, на какой-то миг вспомнилось детство, война; на миг печалью сжалось сердце — женщина ускорила шаги, торопясь уйти от грустных мыслей. Вообще-то она не любит грустить, да уж, видно, день такой сегодня.

Весь день Елизавета Даниловна обрезала обои. Бригада, членом которой она является, вела отделочные работы в одном из домов нового микрорайона. Красивые обои, светлые, жильцам понравится. Вот лежат эти обои — рулон как рулон, грубоватая серая бумага. А развернешь его да присмотришься — и заиграет он всеми красками, всеми черточками и линиями. Елизавета Даниловна аккуратно резала обои, и тугие рулоны напоминали ей собственную жизнь, длинную, с незатейливыми узорами.

“Сколько уж я прошагала, сколько отмерила? — думала она, идя по заснеженной улице. — Верстами не сосчитать, а годы все при мне.”

Она медленно повернула ключ в двери и вошла в свою квартиру. Завтра здесь будут гости — самые близкие и родные. И Валерка с семьей. Вот он смотрит из рамки на стене и улыбается. Как быстро годы-то летят! Совсем большой стал Валерка... Не заметила, как вырос? Нет, сказать так — значит сказать неправду. Время летит быстро — это точно. А дети... только чужие растут незаметно и скоро, а свои всегда остаются для матери детьми. Елизавета Даниловна смотрела на фотокарточку сына, и сердце билось взволнованно-радостно, как тогда, в пору ее молодости, когда она готовилась стать матерью.

...“Тук-тук-тук, так-так-так”, — стучало сердце. А под сердцем билась новая жизнь: тук-тук, так-так... “Там-там-там Кач-ка-нар”, — выбивали вагонные колеса.

“А где он и какой, Качканар? — думала Лиза. — Там, наверное, ни врачей, ни больницы нет”.

— Все там есть, не волнуйся. Все будет прекрасно, — говорил ее муж. — Ведь это не просто стройка, а ударная, комсомольская. Давай собираться — и едем! Ведь мы строители.

Агитировать долго не пришлось. В словах Саши было столько убежденности, а в глазах столько юношеского задора, что Лиза поверила: он хочет быть там, куда сегодня устремилась молодежь всей страны. Ну, что ж? Ехать, так ехать. По чемодану в руки — и двинулись. Все вместе. Шесть семей, работавших ранее на строительстве Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината.

И вот стучат вагонные колеса. Лизины спутники еще спят, а она проснулась, едва за окном забрезжило утро. Позади остались степи, начинались леса и горы. На востоке алела полоска зари. Вставал завтрашний день, и колеса пели: “Там-там-там Кач-ка-нар...”

На небольшом станционном здании было написано: “Нижняя Тура”, а в воздухе звучало: “Качканар”.

— Вот и в Качканар приехали, — сказала проводница Лизе и вопросительным взглядом скользнула по ее фигуре.

— Привет качканарцам! Здравствуйте, строители!

— Кому на Качканар? Поехали!..

С шутками-прибаутками они разместились в грузовике, и машина покатила по дороге. Саша бережно поддерживал жену. Лиза чувствовала его сильные руки, слышала его спокойное дыхание и верила: все будет хорошо. Навстречу бежал лес, тронутый первой зеленью, облитый солнечным светом. Начиналось лето 1957 года.

...Их палатку называли семейной. Здесь уютно и чисто. Каждое утро все семьи уходили на работу, а Лиза занималась несложным домашним хозяйством. В свободное время бродила по лесу.

Звенят пилы, стучат топоры, гудят машины, идет строительство. Бескрайние лесные дали, холмы да увалы, и большая гора, где скрыты, говорят, несметные богатства. И люди, которые пришли сюда, чтобы эти богатства взять. Так вот ты какой, Качканар, — непонятный, суровый, заманчивой...

Рядом с палаткой — молодая липка. Тянет к солнцу кудрявые ветви, шелестит на ветру листвою, приветливо кивает Лизе. Лиза нежно гладит темный ствол: тоненькая липка, но стойкая, гнется на ветру, да не ломится — крепко пустила корни в родную землю. Любит Лиза эту липку и молчаливо беседует с ней.

А еще она любит разговаривать с комендантом Ниной Федоровной Литвиненко. Да и кто не любит эту женщину, которая для всех как мать родная, заботливая и добрая, требовательная и ласковая.

Когда Лизе стало плохо, рядом оказалась Нина Федоровна. Она быстро достала где-то машину, ободряюще улыбнулась Лизе и Саше: все будет хорошо! — и вместе с ними отправилась в путь. А путь нелегкий, некороткий. Мчит грузовик по туринскому тракту, грязь летит из-под колес: недавно прошел дождь. Шофер Леня Чулкин знает: надо спешить, но спешить надо осторожненько, и он ловко ведет машину.

Вдруг навстречу автоинспектор на мотоцикле. Поднял руку: остановись, мол. Но Леня лишь махнул рукой и промчался мимо. Инспектор — за ними. Наверное, думает: "Все равно догоню, все равно накажу!"

— Все равно догонит, — говорит Лиза, глядя из кузова на убегающую дорогу. — Попадет Чулкину, обязательно попадет. Ой! — новый приступ боли заставил забыть об инспекторе и о шофере.

В Нижней Туре машина остановилась. Медсестры и нянечки в белых халатах заботливо окружили Лизу. Уходя с ними, она заметила растерянное лицо автоинспектора, который махнул рукой и повернул мотоцикл обратно.

...Семейная палатка ожила. Сюда то и дело заходили люди, чтобы поздравить Лизу и Сашу с сыном. Уже вся стройка знала, что 14 августа 1957 года родился Валерка — качканарский первенец. Лиза видела, что все гордятся Валеркой и его матерью, хотя ни она, ни ее сын ничего замечательного пока не совершили. Валерка совсем еще маленький, но уже окружен большой любовью строителей. Он не знает еще ни одного слова, а строители уже мечтают о том, кем он станет, когда вырастет, и даже спорят, какая профессия лучше. Так вот ты какой, Качканар, — добрый, внимательный, дружный! Лиза заботливо пеленала своего первенца, укладывала в деревянную кровать, а когда в палатке стало холодно (приближалась зима), захлобучивала кровать теплым шерстяным одеялом.

В канун Октябрьских праздников молодая семья получила квартиру по Октябрьской улице. Это была первая улица Качканара. В тайге поднимался рабочий поселок, а вместе с ним рос и Валерка-качканарец. Лиза была счастлива. Да недолго.

Однажды утром, как всегда, Саша ушел на работу. Сказал, что поедет в Туру, где находилось тогда управление треста "Качканаррудстрой". А вечером домой не вернулся. Ни вечером, ни на другой день, никогда. Разное потом говорили о нем: запутался, сделал растрату, струсил... А Лиза знала одно: это — предательство. Но не могла понять: как так можно? Ведь как красиво говорил! Жить хотел по-комсомольски, работать по-ударному; радовался сыну — и вдруг сбежал, скрылся позорно, трусливо, даже не предупредив, не поставив в известность...

Валерка лежал в кровати и беспечно агукал, а Лиза плакала от обиды и унижения. За окном печально пели ветры, ветры первой качканарской зимы. Почему-то вспомнилась липка. Как живется ей там, на морозном ветру? Захотелось погладить ее, провести теплой рукой по холодной коре. Нет, не сломится липка, перезимует и снова будет встречать весну. Лиза вытерла слезы:

— Ничего, Валерка, перезимует и мы...

Так вот ты какой, Качканар! Ты проверяешь людей на прочность и не любишь слез. Не нужны тебе красивые слова — ты любишь людей дела.

А что делать?.. Забыть, забыть этого человека, который испугался первых же трудностей. Вычеркнуть из памяти, из документов его фамилию. Так и договоримся, сынок: у нас с тобой своя фамилия — Ивановы. Отныне и навсегда. Это во-первых. А во-вторых, мама пойдет работать. Ты, конечно, невелик: четыре месяца — разве это возраст для мужчины? Отдать бы тебя в ясли, да их еще нет. Но ясли обязательно будут, ты только подожди немного. А пока подомовничаешь, посидишь один.

И сын сидел дома, вернее, лежал в кровати. А Лиза работала. Тут рядышком, по соседству. И в течение дня навещала его. Забегали к Валерке и другие: перепеленают, накормят, успокоят, если ребенок плачет. Ловкие женские и неумелые мужские руки заботливо лелеяли, качали первого качканарца.

...Воспоминания бежали волна за волной, и Елизавета Даниловна не гнала их прочь. Такое с ней случается нечасто: наверное, только в канун для рождения, когда в одиночестве хочется поразмыслить над прошлым, заглянуть в будущее. Она сходила в спальню, принесла оттуда самое заветное: папку с солдатскими письмами сына, газеты, альбомы с фотокарточками. Потом уселась поудобней на диване, поджав под себя ноги, как девчонка, и стала неторопливо листать альбомы.

Вот первые детские ясли, первая Валеркина воспитательница Октябрина Григорьевна Дудина в кругу своих питомцев. Вот первый качканарский детсад. Веселые, смеющиеся дети бегут куда-то. И среди них Валерка Иванов в матросском костюмчике и бескозырке. Елизавета Даниловна вдруг отчетливо услышала их звонкие голоса и смех.

1964 год. Валерке, как и Качканару, исполнилось семь лет. В августе строители отмечали свой профессиональный праздник. Было о чем рассказать в этот день: Качканар вырос и похорошел, построен горно-обоганительный комбинат, который уже дал первую продукцию. Сверкают окнами школы и детские сады.

Елизавета Даниловна помнит, как сидела в многолюдном зале Дома культуры "Строитель", от души аплодировала своим друзьям и была счастлива. Она помнит, как на сцену, где чествовали первого Героя Социалистического Труда А.В. Мурашо-

ва, поднялся ее Валерка, вручил знатному строителю цветы и произнес три слова: "Слава герою Качканара!" Александр Васильевич поцеловал Валерку. И зал дружно аплодировал им.

А в сентябре Валерка пошел в первый класс, в новую, только что построенную школу № 3. Вот на фотокарточке их класс и первая учительница Татьяна Михайловна Суфиянова, которую Валерка очень любил.

Вот и первые документы сына: грамоты за активное участие в жизни пионерского лагеря, свидетельство о восьмилетнем образовании, аттестат об окончании профтехучилища. Вместе с документами мать бережно хранит ручные часы — подарок сына после его первой получки.

А эта маленькая книжечка удостоверяет, что она, Е.Д.Иванова, в 1959 году окончила курсы маляров при учебно-курсовом пункте треста "Качканаррудстрой". С тех пор она бессленно работает в коллективе пятого строительного управления.

...Сидит Елизавета Даниловна, перебирает семейные реликвии, она бережет их для своего внука. Вот он, бутуз Димка, смотрит со снимка на бабушку и смеется. И эта детская улыбка будит в ней новые воспоминания.

Однажды Елизавете Даниловне приснилось, будто в квартиру к ним залетел голубь, тот больной голубь, за которым они когда-то ухаживали, пока он не поправился. На работе она рассказала свой сон подругам по бригаде.

— Ой, Лиза, приедет твой Валерка, вот увидишь!

Елизавета Даниловна и впрямь ждала сына. Но не потому, что голубь приснился. Она верит не снам, а людям. Как только родился Димка, она написала письмо в часть, где служил Валерий, и ждала. Неужели не поймут, не откликнутся на ее убедительную просьбу? Может, и писать-то не стоило: это ведь армия, там порядки строгие. Но какая-то тревога не давала покоя, и мать в письме рассказала об этом.

Конечно, Валерка женился рано. Елизавета Даниловна помнит ту ночь, когда сын впервые не пришел домой вовремя. Чего только тогда она не передумала!..

Строго судила себя. Не просмотрела ли Валерку? Каков ее сын? Дома он внимательный, ласковый, по хозяйству всегда помогает, и посуду и пол может вымыть не хуже девчонки. И никакой работой не гнушается. Но ведь это — дома. А что за его порогом? Какие у него друзья? Где вот и с кем пропадает до полночи, до утра? И чем занимается? Нет, нет, сама виновата! Ослабила контроль, рано посчитала взрослым. А может быть, очень устала? Нет, нет, нет, матери нельзя уставать... Тяжелая это была ночь.

А потом в ее жизнь вошла Нина, ясноглазая симпатичная девушка. Свадьба была скромной, но молодые светились счастьем. Елизавета Даниловна все смотрела на них, и казалось ей, что жених и невеста походи друг на друга, как брат и сестра, только у Валерки глаза голубые, а у Нины как смородинки. И так ей хотелось чтобы дети пронесли свое счастье через всю жизнь. Смогут ли? Хватит ли у них мудрости? Уж очень молоды. Тревожно за них. Радостно и тревожно.

Проводили Валерия в армию. Он писал хорошие, теплые письма — мать радовалась и тревожилась. Родился Димка — Елизавета Даниловна радовалась и тревожилась. Сама она выросла в детском доме, Валерка рос без отцовского глаза — так пусть же у Димки будет все, чего были лишены его бабушка и отец. А отец в армии, далеко. Будет ли он по-настоящему любить сына, если не услышит его плача, не подержит на руках это беспомощное красненькое существо?

А не написать ли письмо командиру? Рассказать про все сомнения и тревоги, посоветоваться, попросить... Писала она долго и сбивчиво. Отправила и стала ждать.

И Валерка приехал. Но не потому, что сон оказался вещим, а потому, что добрые, умные люди услышали ее материнскую тревогу. И она была благодарна этим незнакомым людям. В эти несколько дней, пока Валерий был дома, он не отходил от ребенка, и бабушка с радостью наблюдала, как молодые родители хлопочут над сыном.

— Береги их, мама, — сказал Валерий, уезжая, и прослезился.

И потом в каждом письме только и разговоров было, что о Димке, о семье.

...Да, вырос Валерка. Вырос Качканар и его люди. Первый на качканарской земле Герой Социалистического Труда Александр Васильевич Мурашов, которого приветствовал семилетний Валерка, стал первым почетным гражданином города. От души аплодировала ему Елизавета Даниловна.

Было это 27 мая 1977 года во Дворце культуры, где проходило торжественное собрание, посвященное 20-летию Качканара. Вместе с переполненным залом она аплодировала всему, чего достиг Качканар за два десятка лет.

А потом, когда начался концерт, весь зал рукоплескал ей, Елизавете Ивановой. Звучали стихи и песни о Качканаре. Сердцем слушала она каждое слово, вспоминала прошлое и по-хорошему волновалась. Когда ведущие программу стихами говорили о первом качканарце Валерке Иванове, ей показалось, что с волнением не справиться. А когда ее пригласили на сцену: "Дорогая Елизавета Даниловна, встречайте своего сына!" — она долго не могла встать с кресла. И вот она на сцене. Валерий, в военной форме, стройный и красивый, смущенно обнимает и целует мать, а она плачет и плачет — от неожиданной встречи, от благодарности людям. А в праздничном зале гремят аплодисменты.

...В волнении Елизавета Даниловна прошла по комнате, подошла к окну. На улице по-прежнему валил снег. Крупные хлопья ложились на землю, на деревья, которые упорно не хотят расставаться со своей сухой листвой. Говорят, это к суровой зиме.

"Ничего, перезимуем", — подумала Елизавета Даниловна и вспомнила свою подругу-липку.

Давно уже нет семейной палатки, а липка жива. Тянет к солнцу кудрявые ветви, шелестит на ветру листвой, приветливо кивает прохожим. И никакие бури ей не страшны: выросла, похорошела. Дала молодую поросль — крепко пустила корни в качканарскую землю.

Свет далекой юности

Правду говорят, что беда не приходит одна. Умерла мама, трагически по гиб брат-автомобилист. Как справиться с такими утратами? На кого опереться? И поехала Нина в Верхотурье, где ее старшая сестра работала директором школы.

Но этот город не стал ее судьбой, а был лишь временной пристанью. Как только на всю страну прозвучало слово "Качканар", Нина легко снялась с еще не насиженного места и отправилась туда, где нужна была молодежь. Но за молодежь ее, видать, не признали: маленькую, щупленькую девушку сочли за подростка — дали от ворот поворот и разговаривать не стали. И из Нижней Туры, где тогда набирали кадры для Качканара, вернулась огорченная девушка назад. А через несколько дней снова появилась в Нижней Туре.

— Вот настырная какая! — сказали то ли с упреком, то ли с одобрением.

И приняли на работу. В первое стройуправление. Кассиром: ведь у Нины Микрюковой был диплом Пермского техникума, который она окончила по специальности бухгалтерский учет. Приняли! Было это 30 мая 1957 года.

Контора СУ-1 размещалась в одном из частных домов в поселке Валериановском. Сюда шли и шли люди, желающие строить новый город. Их не смущало, что нет жилья; иные на первых порах ночевали прямо на улице. Не было самого необходимого, но работа двигалась.

И вот наступил день первого аванса. До конца дня не успела Нина выдать его всем. Деньги остались, а сейфа нет. Что делать? И вот заместитель начальника СУ-1 Чижов и главный бухгалтер Клещев нашли выход из положения. Поставили две скамейки, положили на них матрац и подушку — устраивайся, Нина, на ночь! Сами проверили все помещение, выдворили из коридора какого-то человека, расположившегося там на груде матрацев; закрыли двери, устроились в соседней комнате и охраняли всю ночь молодого кассира и деньги.

Жила Нина тоже в частном доме, у доброй, приветливой женщины, по имени Мария. Платила ей за постой. Но Мария вскоре снизила вдвое размер квартирной платы, потом еще ее уменьшила и, наконец, совсем перестала брать деньги: уж очень понравилась ей Нина, к которой хозяйка относилась, как к дочери. Даже потом, когда Нина уехала в Качканар, Мария часто присылала ей с рабочими то мяса, то молочка, то еще чего-нибудь.

В Качканаре контора СУ-1 разместились в первом бревенчатом доме, который начинал одну из первых улиц будущего города. Отсюда с сопровождающими Нина на бортовой машине ездила получать деньги в Нижнюю Туру. Отсюда нередко возили ее прямо на лесосеку, чтобы выдать рабочим зарплату. Лесорубы тогда вели трассу от Валериановского в сторону Иса. Появится Нина в лесу — и светлеет тайга от людских улыбок. Рабочие рады не только потому, что приехал кассир, они любили эту девушку за скромность и простоту, за ее легкий характер, открытую душу. Встретят буквально с распростертыми объятиями, подхватят ее, легкую, как пушинку, на руки и несут прямо от машины до какого-нибудь удобного пенька, положат на него свои рукавицы — садись, работай! И станет ей так уютно в этом лесу. И летний зной, и осенний дождь, и назойливые комары, и зимняя стужа — все отступает перед человеческим теплом.

Нет, не напрасно рвалась она в Качканар. Видать, город этот ей был на роду написан. Здесь суждено было выйти замуж и растить детей. Ее суженый Афана-

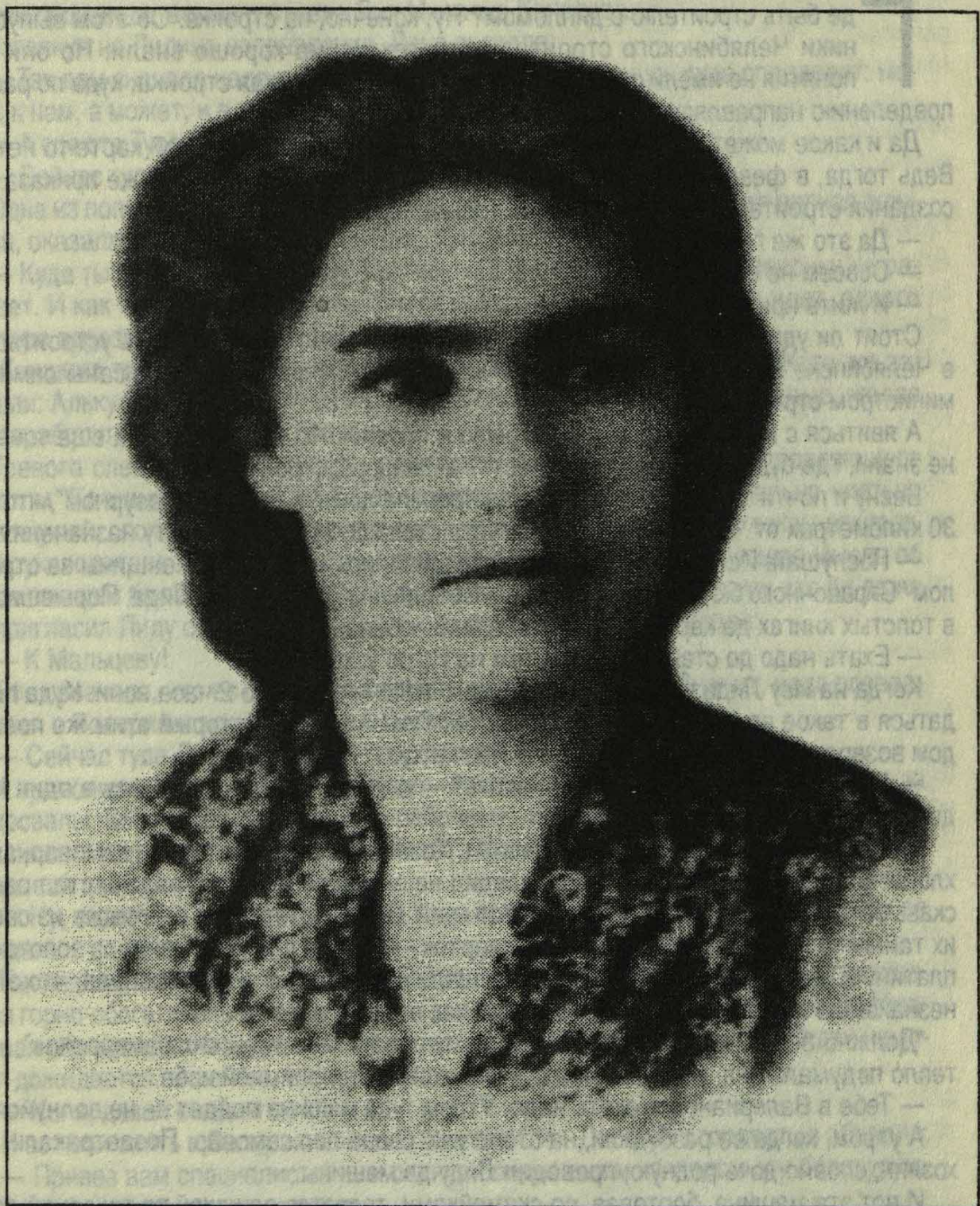
сий Кашин, приехавший на ударную стройку из армии, оказался парнем решительным. В один из дней он подогнал под ее окно автокран и увез Нину в поселковый Совет, в ЗАГС, взяв в свидетели водителя крана Николая Ключева. Вот так, на удивление окружающим, повернулась в январе 1958-го личная жизнь Нины.

А в марте сменила Нина и работу — не по прихоти своей, а по воле комсомола, направившего ее в библиотеку, первую качканарскую библиотеку, которая открылась в небольшой комнатке двухэтажного деревянного дома по улице Октябрьской. Сначала там было около 200 книг, а вскоре стало несколько тысяч: настойчиво занималась Нина Кашина комплектованием фонда. Много книг подарили строящемуся городу предприятия Свердловска и Нижней Туры. С удовольствием вспоминает Нина Петровна то время, когда в тесной комнатке плескалось книжное и людское море: велика была у первостроителей тяга к знаниям.

Впрочем, и строительную лабораторию, где она работала позднее, и всех людей, начинающих Качканар, вспоминает с удовольствием. И вчерашний день Качканара не воспринимается ею как отдаленное прошлое, ей кажется, что все это было вчера и даже сегодня. Случались в том прошлом и темные дни, но душа и память впитывали только светлое, только доброе. И Нина щедро отдавала этот свет и добро своим детям, как дарит теперь внукам.

Выросли внучки Настя и Аня, беленькие, тоненькие, как березки. Давно переросли бабушку. А она — такая же маленькая, стройная, скромная и застенчивая, как девочка. Из ласковых глаз, обрамленных бодрыми морщинками, лучится мягкий свет ее далекой юности.

Первые встречи

Где быть строителю с дипломом? Ну, конечно, на стройке. Об этом выпускники Челябинского строительного техникума хорошо знали. Но они и понятия не имели о том, где находится качканарская стройка, куда по распределению направлялись десять молодых специалистов.

Да и какое может быть понятие о том, чего и на географической карте-то нет? Ведь тогда, в феврале 1957 года, не было еще ни Качканара, ни даже приказа о создании строительного треста. Были только нерадостные слухи:

- Да это же глухая тайга!
- Совсем не обжитые места...
- И жить придется в палатках.

Стоит ли удивляться, что пятеро из десятирых нашли возможность устроиться в Челябинске и не ехать в глухомань, хотя направления были подписаны самим министром строительства.

А явиться с направлением нужно было в поселок Ис. Видимо, тогда еще точно не знали, где будет базироваться трест "Качканаррудстрой".

Весну и почти все лето Лида Бибкова провела дома, в совхозе "Лазурном", что в 30 километрах от Челябинска, а к 1 августа стала добираться к месту назначения.

— Послушай: Ис — это где? — переговаривались меж собой женщины за стеклом "Справочного бюро", куда, приехав в Свердловск, обратилась Лида. Порывшись в толстых книгах да картах путей сообщения, объяснили:

- Ехать надо до станции Выя, а там на Ис по узкоколейке.

Когда на Ису Лида вышла из маленького вагончика, было 2 часа ночи. Куда поехать в такое время в незнакомом месте? Помог солдат, который этим же поездом возвращался из армии домой, на Песчанку.

— Можно у вас девушке переночевать? — спросил он, постучавшись в один из домов.

Дом этот оказался очень приветливым. Хозяйка быстро поставила самовар, хлопотала вокруг стола. А ее муж, усадив незнакомую девушку рядом, стал рассказывать о том, как богат и красив этот край. В доказательство он извлек из своих тайников небольшой брезентовый сверток — и Лида впервые увидела золото и платину в россыпи. Она с интересом слушала рассказчика и чувствовала, что эти незнакомые щедрые люди дороже ей сейчас всякого золота.

"Должно быть, немало на здешней земле таких человеческих самородков", — тепло подумала она, укладываясь спать в этой гостеприимной избе.

- Тебе в Валериановск ехать надо. Утром туда машина пойдет — не волнуйся.

А утром, когда ее разбудили, на столе уже снова пел самовар. Позавтракали, и хозяин, словно дочь родную, проводил Лиду до машины.

И вот эта машина, бортовая, со скамейками, трясется по какой-то покосной дороге. Мужики курят, грубовато шутят, матерятся. На Лиду смотрят с изумлением. Да и есть чему удивляться: в красном сарафанчике в белую ромашку, в белых босоножках и голубой плащевке, эта белокурая девчонка тут — словно инородное тело. А ей в табачном дыму, смешанном с резким перегаром, в трясущемся кузове стало совсем неуютно. И такие же неуютные мысли бежали вслед за машиной или улетали далеко вперед. "О боже, какой каторжный край!" — думала она.

Вот, наконец, и Валериановск. Вот школа — одноэтажное деревянное здание. Здесь, в маленьком уголке, похожем на тамбур, ютилась контора первого строи-

тельного управления. Лиду встретили работник отдела кадров Лена Забегаева и техник производственного отдела Лия Минична Кочетова.

Взглянув на Лидино направление, Лена сказала:

— Так вам сначала надо в трест, в Нижнюю Туру. А там уж куда определяют: может, к нам, а может, и в тресте оставят.

— А где эта Тура?

— Сейчас туда машина пойдет — уедете.

Одна из попутчиц в этой бортовой открытой машине, громкоголосая полная женщина, оказалась разговорчивой и очень осведомленной.

— Куда ты приехала? И зачем? Там же, на стройке-то, ни одной девчонки не работает. И как тебя мать отпустила! Вчера в палатках, где стройка-то идет, одного мастера зарезали.

Женщина трещала всю дорогу. Но Лида уже ничего не слышала. “Кого же зарезали: Альку или Борьку?” — думала она о своих однокурсниках, которые, желая подзаработать, уехали сюда раньше ее.

Тревога слегка улеглась, когда, приехав в Туру, Лида увидела управляющего трестом “Качканаррудстрой” М.В.Левитского. Интеллигентный, идеально чистый, подтянутый, спокойный. “Настоящий пан, — подумалось ей. — При таком аккуратном руководителе не может быть на стройке беспорядка”. А следующая мысль об управляющем была такая: “Деловой. И, видимо, очень занят”. Потому что он даже не пригласил Лиду сесть, а, взглянув на ее документы, лишь сказал:

— К Мальцеву!

Это означало, что ее следует оформить на работу в СУ-1. Значит, надо возвращаться в Валериановск. Но с какой оказией?

— Сейчас туда Дерягин едет, — подсказали ей. — И вас прихватит.

А транспорта около треста — видимо-невидимо, и все в основном грузовики да самосвалы. Вот появился одетый по-рабочему, похожий на шофера человек и направился... нет, не к самосвалу, а к “Волге”. Лида еще больше удивилась, когда он, открывая дверцу, обратился к ней:

— Ну, садитесь, поехали, — сказал так приветливо и просто, будто только ее и ждал.

Так познакомилась она с Виктором Петровичем Дерягиным, директором строящегося горно-обогатительного комбината. По дороге он с отцовским участием расспрашивал обо всем, вплоть до темы ее дипломного проекта. А узнав, что Лидин чемодан дожидается ее на Ису, тут же сказал шоферу:

— Коля, давай съедим на Ис.

И вот они опять в Валериановске. В конторе СУ-1 Дерягин с гордостью объявил:

— Привез вам специалиста! — и окинул ободряющим взглядом эту белокурую, немного растерявшуюся девушку.

Она действительно приободрилась, увидев Лену и Лию, которые встретили ее, как старую знакомую. Тогда Лида еще не знала, что первые ее качканарские годы пройдут под попечительством этой заботливой молодой женщины Лии Миничны, чей муж Борис Бурьянец был главным бухгалтером строящегося комбината.

Лидию Бебкову оформили мастером к старшему прорабу Ерофееву, сказали, что сейчас из палаточного городка приедут на оперативку, велели подождать.

Оперативка, проходившая в одном из школьных классов, была горячей. Проблем

на стройке — что деревья в лесу. Это Лида поняла сразу. Но она никак не могла понять: почему оперативку проводят здесь, в Валериановске, а не там, где разворачивается строительство? Почему столько людей должны ехать в штаб-квартиру начальства, а не наоборот?

Она всматривалась в новые для нее лица. Вася Богданов, Боря Туров, Иван Абрамович Потеряхин и другие — все они такие разные, но все одинаково равнодушные.

Ерофеев — с виду неприметный: невысокий, приземистый мужчина в сапогах и галифе. Но вскоре Лида поймет, что на его плечи легли все тяготы новостройки. Александр Алексеевич во все вникал, все знал, все умел, находил ответы на любые вопросы — не прораб, а настоящий справочник, целая энциклопедия! Этот беспартийный человек был кристально чистым: скромным и строгим, добрым и справедливым. Правда, его принципиальность не всегда устраивала начальство.

Когда после оперативки Лида вышла на улицу, она обратила внимание на ребят, которые весело грузили в машину какие-то музыкальные инструменты, чтобы везти их в палаточный городок. Это были комсомольцы во главе с Ильей Машкиным. Но удивляться и размышлять по этому поводу было уже некогда: выездная "оперативка" возвращалась обратно.

Сидя в кабине, Лида внимательно смотрела на дорогу и лес, бежавшие навстречу, и этот край уже не казался ей каторжным. "Добро пожаловать!" — приветствовала небольшая арочка при въезде в городок строителей. Машина нырнула под арочку и вскоре остановилась.

Такой поселок Лида увидела впервые. По одну сторону дороги располагалась столовая под навесом, похожая на покосный стан: длинные столы из досок, сиденья — такие же длинные сколоченные лавки. По другую сторону — палатки, белые-белые, еще совсем новые. От каждой из них тянулись дощатые тротуары, тоже еще не утратившие своей свежести. Они отливали желтизной и, словно лучи солнца, сходились вместе у танцевальной площадки, которая сверкала своей деревянной белизной на зеленом травянистом поле.

На душе у Лиды тоже стало светло и радостно. А самым неожиданным, почти невероятным показалось то, что здесь, в лесу, звучала музыка и на танцевальной площадке парами кружились девушки. "Ну вот, а говорили, что девчонок тут нет!" Лида была почти счастлива.

— Найдите-ка Нину Федоровну, — попросил между тем Ерофеев.

— В девичьей палатке двадцать человек. Куда я тебе кровать поставлю? — сказала не очень приветливо подошедшая женщина, но глаза ее, как показалось Лиде, источали внимание и доброту.

Вскоре Лида поймет, что не ошиблась. Эта женщина средних лет, Нина Федоровна Литвиненко, закаленная фронтовыми дорогами, называлась теперь комендантом палаточного городка. Но за этим сухим названием, за ее порой суровой внешностью скрывалось щедрое материнское сердце, готовое согреть всю эту зеленую молодежь, приехавшую построить новый город.

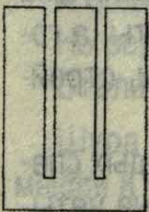
— Ну, пойдём, — сказала Нина Федоровна.

Ерофеев взял Лидин чемодан, и они пошли к одной из этих белых палаток.

Солнце клонилось к закату, играя лучами в верхушках деревьев. Заканчивался еще один день. Первый день на качканарской земле мастера Лидии Павловны Бибковой.

...в этом смысле...
...и в будущем...
...развивается...
...нормальными...
...иными...

урины горизонты

В который уж раз перебираю фотокарточки из семейного архива Александры Пантелеевны Мазеиной.

С небольшого портрета смотрит миловидная девушка в скромной кофточке, с аккуратной прической, с задумчиво-мечтательными глазами. Смотрит внимательно, приветливо, словно приглашает нас в свою юность, в те годы, когда она была Шурочкой Тютиной.

“В этих местах — палаточный городок. По номеру палатки можно судить, что она не одна и не последняя. Здесь, недалеко от палаток, будут строить летнюю танцевальную площадку”, — рассказывает надпись, сделанная на фотокарточке Шурой. Правда, жить в палатках ей не довелось. Шура и ее подруга Аннушка Пенкина приехали в Качканар, когда здесь уже пролегли первые улицы, встали первые дома.

Девушки закончили Воронежский строительный техникум и, преодолев тысячи километров в тесном общем вагоне, в августе 1957 года прибыли на Урал, где, как представлялось, их ждет большой завод. Но все оказалось иначе. В управлении треста “Качканаррудстрой”, находившемся в Нижней Туре, подругам сказали, что стройка в Качканаре только начинается и им, как технологам-железобетонщикам, делать там пока нечего. Молодых специалистов оставили в Нижней Туре, где для них просматривалась неплохая перспектива.

Да, видно, стать качканарцами им было на роду написано. Вскоре на стройке появился временный бетонно-растворный узел, куда и пришла работать Аня Пенкина в качестве мастера. А Шура свою качканарскую биографию начинала техникум ПТО строительного управления № 2. Жили — как все на молодежной стройке: днем работа до седьмого пота, вечером — отдых.

“Вот вид улицы Октябрьской, — пишет Шура на другом снимке. — Крестиком отмечен наш дом. Техничка нам водички припасла. Вот видите, как достается нам вода”.

На первом плане машина-цистерна с надписью “Огнеопасно”. У цистерны — очередь. Люди с ведрами в руках и на коромыслах. Рядом — до десятка бачков, видимо, уже наполненных. Да, кругом были горы, лес, болотистые топи — а питьевую воду первостроителям доставляли издалека вот в таких “огнеопасных” емкостях.

Бытовой неуют не пугал. Романтический взор Шуры устремлялся дальше, в заманчивое завтра. “Полюбуйтесь на горизонты, — приглашает она нас. — Мне очень нравятся эти бесконечные дали!.. Теперь девчонки где увидят такую красоту, то вспоминают меня: Шурины горизонты”...

На этом снимке первые дома соседствуют с палаткой, строительными материалами и мусором, без которого не обходится ни одна стройка. Но девушка верила: исчезнет мусор, раздвинется тайга, еще шире станут горизонты, а гористые качканарские склоны украсятся новыми домами — каменными, стройными, высокими.

А вот и первый каменный дом по улице Мира — общежитие для молодых специалистов. Здесь получили комнату Шура и Аня. Комната небольшая, на четы-

ре кровати, но такая уютная, светлая. На стенах и тумбочках вышитые и вязаные изделия. На широком окне — тюлевые шторы. Но особенно хороши кровати — в кружевных да тюлевых покрывалах, беленькие, нарядные, как невесты. На подоконниках цветы, а за окном вечер. Из скромного приемника, покрытого вышитой салфеткой, льется негромкая музыка. И тикает будильник, отсчитывая минуты и часы качканарской эпохи.

У кого-то эта “эпоха” окажется короткой, оставшись заметным штрихом в биографии, ярким воспоминанием об ударной комсомольской стройке. Кто-то свяжет свою жизнь с Качканаром навсегда. А пока они молоды и не думают о том, что новые поколения качканарцев будут почтительно называть их первостроителями. Девушкам трудно представить себя пожилыми. Пока они вместе живут в общежитии и даже не предполагают, что это здание со временем сменит свое назначение и станет гостиницей, а позднее — детской музыкальной школой. А сейчас в этом доме им тепло и уютно.

Отсюда каждый день спешат они на работу. Время идет, стройка мужает. Шуру поражает упорство тайги, которая не хочет отступать, и упорство людей, которые принесли сюда свет и новую жизнь. Весной 1958-го начали делать подсыпку дорог, чтобы хоть самосвалы не тонули. Грунт возили и возили, а болото не сдавалось. Девчатам даже в резиновых сапогах не везде удавалось пройти — и приходилось звать на помощь парней в болотниках.

Летом уже вошел в строй действующих полигон. Сначала делали блоки и мелкие железобетонные изделия на естественном твердении, а потом построили пропарочные камеры, поставили кран; для подачи пара приспособили локомотив. Шура была на полигоне мастером. А в подчинении у нее ребята, которым едва исполнилось восемнадцать. Трудолюбивые, безотказные, веселые.

Рядом с полигоном — временный арматурный. Одновременно строили и полуавтоматизированный бетонный цех, в который входила компрессорная. И Шура Тютина выполняла теперь обязанности начальника компрессорной.

В апреле 1960-го началось освоение бетонного цеха. Шура хорошо понимала общий настрой ребят и девчат — как можно быстрее овладеть технологией и выдавать бетон на строительство корпусов комбината и жилых домов. Работали в три смены, делали все возможное и невозможное.

Любила Шура и этот рабочий ритм, и эту усталость, и лежневку, по которой возвращались домой. Рабочая неделя была тогда шестидневная. На воскресные местные уходили пешком или на попутках добирались до Косьи, Иса, Нижней Туры. А приезжие, вроде Шуры, оставались дома. Но не скучали.

Далеко родные дали
И родные голоса.
Но родными на Урале
Стали горы и леса.

Шура пела вместе со всеми и удивлялась, как точно передает эта песня ее мысли и чувства.

Нередко по выходным дням устраивали воскресники — строили промбазу и жилье. Работали дружно, с шутками и песнями. —

А иногда в выходной только проснешься — и слышишь: где-то уже гармонь поет или баян и созывает всех:

Пришла весна в мои края

В зеленом кружеве леса.

Пойдем, любимая моя,

Березкой полюбуемся...

Шли весна за весной. Неустанно тикали часы, отсчитывая качканарскую эпоху. Для Шуры эта эпоха оказалась длиною во всю ее жизнь.

С

песней по жизни

Минуло двадцать пять лет — и в Качканар пришло время серебряных свадеб.

4 мая 1982 года такая свадьба пела и плясала в доме № 8 по улице Набережной, где живут Лидия Петровна и Николай Васильевич Ведерниковы. Веселый праздник и большое торжество, добрые шутки и звонкие песни, многочисленные сюрпризы — здесь было все, вплоть до “Птичьего молока” в красивой коробке.

На стене — дружеский шарж. Забавные малыши: девчушка с пышным бантом и мальчик в штанишках с бретельками — заметно смущаются. На углу дома, возле которого они стоят, увековечено: “Коля плюс Лида — любовь”. А сквозь стену, словно сквозь годы, проступают нежно-голубые цифры: “25”. И венчают всю эту картину знакомые слова: “Это было недавно — это было давно”.

Вот среди веселья и торжества объявили:

— Невеста 1957 года!

Серьезная и озорная, она величаво взошла на табурет и одарила гостей щедрой улыбкой. На Лидии Петровне были все те скромные туфельки, что и в 57-м году, то же серенькое крепдешиновое платье. Ее глаза, по-прежнему молодые, светились таким счастьем, что все поняли: это было недавно. Лишь серебряные нити в темных волосах невесты (видно, не зря свадьба зовется серебряной) да мудрые лучики у глаз утверждали: это было давно.

Их познакомил Исовский геологоразведочный техникум, сдружила самодеятельная сцена. Жители близлежащих поселков Артельного, Журавлика, Глубокой и других, где не раз выступала агитбригада техникума, хорошо знали певунью и плясунью Лиду Хардину и аккордеониста Николая Ведерникова. А когда впервые объявили, что выступают супруги Ведерниковы (это было на Косье), грянули такие аплодисменты, каких они еще не слышали. Зрители радовались, что самодеятельные артисты “спелись”, и от души рукоплескали их счастью.

Радовались за молодых и в техникуме.

— Вот вам пригласительный билет на свадьбу, — сказал комсомольский секретарь Коля Спиркин.

— На какую свадьбу? — удивились они.

— Да на вашу, на вашу!

Свадьба была комсомольской. Звонкая, веселая, она и сейчас поет в их сердцах, словно все это происходило вчера.

То ли время так быстротечно, то ли душа у людей всегда молода, то ли крепка память сердца, то ли так прекрасны и чисты мелодии юности, что они не затухают в тебе, не тускнеют, а освещают и согревают всю жизнь. Что же в них, мелодиях юности? Для Ведерниковых это шелест конспектов и горячие студенческие споры, звуки Колиного аккордеона и сильный Лидин голос, и звонкие аплодисменты зрителей, и верность друзей, и светлые мечты — все, чем одарил их поселок Ис. В этом поселке родилась их любовь, которая, как сказал поэт, с хорошей песней схожа.

А на качканарской земле мелодии этой песни стали еще прекрасней и богаче. В них влились перестук топоров и перезвон пил, буйный цвет черемух и чистота лесных ключей, и журчание ручья, к которому ходили за водой. В домах гудели печи — дрова то потрескивали, то шипели. Порой сердито урчали “Шкоды” — большие и надежные машины, они возили на стройку грузы, доставляли из Туры хлеб. В тайге

появились первые улицы. Качканар жил, Качканар работал, Качканар пел.

Днем песни звучали на стройке, а по вечерам — в клубе. Агитировать никого не приходилось — в клуб шли с большим желанием. Шли, чтобы отдохнуть после работы, принять участие в интересном диспуте, просто поговорить по душам, посоветоваться с Мирой Михайловной, директором клуба, послушать первого качканарского музыканта Николая Ведерникова.

Николай работал механиком в третьем стройуправлении, руководил там художественной самодеятельностью и увлеченно занимался в клубе "Строитель". Не рассталась с песней и Лида, хотя в семье Ведерниковых подрастал первенец — дочка Марина, которая моложе Качканара ровно на год. Девочка росла под нежные песни матери, под могучую музыку стройки.

Нередко бывало так. В парке "Строитель" — гулянье. Родители Маринки выступают в концерте, а она спокойно спит в коляске под березой. Веселые по характеру и легкие на подъем, Ведерниковы не умели отказываться и всегда были там, где нужны. Они могли, забрав Маринку и аккордеон, на самосвале отправиться по бездорожью в поселок Ис, на свадьбу к лучшему другу. Да и как не поехать, если там ждут их музыку, их песни, ждут их самих, общительных и веселых.

Ведерниковых любили. Почему? Потому что их веселый нрав, способность не замечать трудностей, их любовь к жизни и умение мечтать были близки и понятны многим: ведь все это были черты качканарского характера, который ярко проявился с самых первых дней строительства. Молодые мечтатели возводили город и комбинат, а песня им строить и жить помогала.

Удивительная встреча с песней состоялась однажды в клубе "Строитель". Зрительный зал был переполнен. Лирические песни, одна лучше другой, сменялись задушевной беседой, зачарованная тишина — бурными аплодисментами: гостем качканарцев был свердловский композитор Евгений Родыгин. Он рассказывал о своем творчестве, обстоятельно отвечал на многочисленные вопросы, выполнял заявки.

— А можно еще одну заявочку, вернее, просьбу? — раздался чей-то звонкий голос. — Не напишите ли вы песню о нашей лежневочке?..

Композитор задумался, помолчал с минуту, потом сказал примерно так:

— Я не против. Но боюсь, что быстро у меня это не получится. Ведь я пока даже не знаю, что такое ваша лежневка. Надо пожить здесь, посмотреть, а я, к сожалению, не могу остаться здесь даже на час-другой. Должен спешить — меня ждут в Нижней Туре..

Очень жаль, конечно, но качканарцы не обиделись: они понимали занятость композитора и были благодарны ему за встречу, за песни.

Качканарцы понимали, что Родыгин, как и любой горожанин, мог вообще не знать, что такое лежневка. Но они верили: пройдет совсем немного времени — и в Качканаре тоже будет асфальт, как и в Свердловске или в Москве. Будет асфальт, но лежневка навсегда останется в сердцах. Эта дорога из бревен и досок, проложенная через болото, была кратчайшим путем на завод стройматериалов, на промбазу. По лежневке ходили на работу. Многих эта дорога вывела в большую жизнь. Как же не сложить о ней песню!..

Так думали Лида и Николай Ведерниковы, возвращаясь домой из "Строителя". А вскоре мысль о песне целиком захватила их. Идет Лида с работы и сама не поймет: то ли в голове, то ли в сердце рождаются стихи о лежневке. Спешит за Мари-

ной в садик, а стихи уже готовы. Подождет Маринка — надо записать эти простые, немудреные слова, чтобы не забылись.

Лида берет карандаш и бумагу и торопливо пишет:

По лежневке, по лежневке
Вечерочком при огнях
На работу на бетонный
Провожаешь ты меня.

Она идет в детсад, осторожно обходит осенние лужи, в которых уже плавают желтые листья. А в душе у нее поет весна:

Расцветет весной рябина,
Зашумит в ручьях вода,
Вот на этой на беседке
Помечтаем мы тогда.

Одевая Маринку, она видит молодых пап и мам, весело воркующих со своими малышами, и думает о том, как много парней и девчат нашли в Качканаре свое рабочее место и личное счастье:

Ах, лежневка, ты, лежневка,
Всех дороже нам дорог.
Вот на этой на лежневке
Родилась у нас любовь.

О чем еще нужно написать? Конечно, о том, что качканарцы не забудут лежневку. И Лида написала.

А Николай сочинил музыку

Они напевали негромко, сначала вдвоем, и особенно не афишировали песню. Только песня не нуждается в афише. словно звонкий ручеек весной, словно солнечный луч, она пробивала дорогу к людям и согревала их сердца. А 1 Мая на демонстрации "Лежневку" пел уже весь Качканар. Она звучала в каждой семье, в молодежных компаниях, на клубной сцене. Она уже не принадлежала Коле и Лиде — песня жила самостоятельно.

И жил Качканар. Каждый день поднимались в тайге новые дома, рождались новые стихи и песни. Это были будни и праздники комсомольской стройки.

Однажды, в самый обычный день, к Ведерниковым явился необычный гость — корреспондент областного радио. Зачем он приехал? За песнями. Коля и Лида сначала удивились — настолько это было неожиданно. Потом загордились: за песнями — в Качканар! Это же здорово! Они почти не сомневались, что корреспондента прислал Федор Селянин — партийный секретарь, влюбленный в эту стройку и ее людей.

Ведерниковы тоже любят Качканар и могут без конца говорить с корреспондентом о качканарцах, которых без песни представить невозможно. Корреспондент достает магнитофон и просит Ведерниковых рассказать о себе, спеть свои песни. Но ведь говорить о себе — значит говорить о Качканаре, о друзьях-товарищах.

Вот, например, прораб третьего стройуправления Булкин. послушайте, какие стихи он написал:

Здесь день и ночь гудят моторы
И сотрясает землю взрыв,
Тайги безбрежные просторы
От спячки вечной разбудив...

А дальше — строчки о том, что “пройдут года и будет море”, строчки об огромной вере строителей в дело своих рук, в свой завтрашний день. Стихи полюбилися качканарцам и вскоре стали песней. Чья музыка? Николая Ведерникова. Как слаженно и вдохновенно исполнял эту песню хор на сцене клуба “Строитель”!..

По просьбе корреспондента Ведерниковы спели ее, исполнили “Польку”, “Лежневочку” и другие Колины песни.

Шли годы, а Ведерниковы не расставались с песней. Они пели вдвоем — для себя, для души. Пели для других — в дружеской компании, на праздничных вечерах, их приглашали в школы, во Дворец культуры.

Шли годы. Подрастали новые поколения качканарцев, которые знали многоэтажный, асфальтовый город и понятия не имели о том, что такое лежневка. Появились новые песни, а старые, казалось, ушли в прошлое.

Но вот наступил 1982 год — и для Ведерниковых зазвучали с новой силой песни их юности, такой далекой и близкой. Это был удивительный год — год юбилеев. В январе Николаю Васильевичу исполнилось 50 лет. В феврале — 70-летие отца Лидии Петровны. В марте широко отмечалось 50-летие их родного Исовского техникума. Апрель прошел без юбилея, зато в мае — сразу два: 4-го — серебряная свадьба, 27-го — день рождения Качканара, его 25-летие. Июнь — выпускные экзамены и выпускной вечер у сына, который окончил среднюю школу № 4. Июль — вступительные экзамены в институт, июль же — 70-летие мамы, Анфисы Григорьевны. А в августе исполнилось 20 лет работы Лидии Петровны Ведерниковой в отделе снабжения Качканарского горно-обогатительного комбината. Столько праздников, столько событий!.. К каждому готовились ответственно, с душой и выдумкой — по-другому Ведерниковы не умеют. Каждый праздник принес столько волнений, заставил как-то по-новому заглянуть в будущее, вспомнить юность. Но особенно волнительным для Ведерниковых был, конечно, выпускной вечер их сына.

Они из тех родителей, которые являются друзьями и помощниками школы. Председатель классного родительского комитета, Лидия Петровна приложила всю энергию, все вдохновение для того, чтобы выпускной вечер надолго запомнился его участникам. Силами родителей и учащихся был подготовлен литературно-музыкальный монтаж, посвященный учителям. Весь вечер звучали песни и стихи, серьезные напутствия и добрые шутки. Ребята танцевали, доверительно беседовали со взрослыми и друг с другом.

Потом кто-то из старых учителей попросил Ведерниковых спеть “Лежневочку”. Авторы волновались и смущались, как в юности. Они молча стояли перед притихшим залом, а в душе уже звучала родная мелодия, звучала так свежо и так властно, словно она родилась только вчера, словно все это было совсем недавно. А зал смотрел на них юными глазами, смотрели ровесники их сына, новое поколение качканарцев. И вздохнула Лидия Петровна, и сказала:

— Это было давно... Эта песня, ребята, родилась намного раньше вас.

И захотелось ей рассказать о первых качканарцах — пусть выпускники возьмут с собой в дорогу трудолюбие и энтузиазм первостроителей, их умение жить с песней, умение мечтать.

И вспомнились ей субботники. Как много их было в то время! После трудового дня и в единственный выходной молодежь работала, приближая свою мечту. Не успевают строители сдать магазин в срок — значит, надо им помочь. Хочется по-

скорее увидеть кинотеатр — и снова субботник за субботником. Заберут с собой детей, выделят им няньку и какую-нибудь комнату, а сами за топоры и молотки, лопаты и метлы. И, конечно, с песней. А как часто ходили "чистить море"! Корчевали лес, сжигали сучья и верили: на месте "зеленого моря тайги" скоро заплещется Качканарское море. Моря еще не было, но уже жила в Качканаре улица Набережная, где под номером восемь стоял дом Ведерниковых.

Вспомнилось Лидии Петровне, как тоже после работы, методом "самстроя" возводили они в тайге эту улицу, как в каждом маленьком доме селилось большое счастье. И Ведерниковы были счастливы.

Но вдруг умолк аккордеон, оборвалась песня. Видно, на всякой крупной стройке случаются несчастья и даже трагедии. Так было и в Качканаре. Не хочется вспоминать об этом, да из песни слова не выкинешь. Казалось: не подняться больше, не выпрямиться, не запеть. Но не озлобился в горе Ведерников, не утратил веры в людей, в правду жизни...

... Лидия Петровна волновалась. Ну, что поделаешь, если так далеко увела ее простая лежневая дорога, о которой она рассказывала детям. А Николай Васильевич взял уже первые аккорды, и вот полилась в школьном зале песня качканарской юности. И взрослым хотелось верить, что у каждого выпускника будет в жизни свое лежневка — дорога в большую жизнь, дорога к счастью.

Оказывается, о том же самом, о счастье трудных дорог думали в этот вечер выпускники. Их настроение, их мечты выразил Вася Ведерников. Он исполнил песню, слова и музыку которой написал сам:

— Главное в дороге —
Не свернуть в пути:
Чего хотел — добейся,
Что искал — найди!..

Как это хорошо, что, отправляясь в жизнь, молодежь берет с собой песню!..

Так думали Николай Васильевич и Лидия Петровна. Сами они всю жизнь дружат с песней. Она звучит в их доме, в их сердцах. И дети, и внуки, и трудовые будни Ведерниковых — это их жизнь, их песня.

Но самая прекрасная песня, которую сложили они вместе с друзьями, — это светлый город Качканар.

С

весною в сердце

Если бы ее спросили, когда начинается весна, она бы ответила: "Первого мая". Объяснить, быть может, и не сумела б, но сердцем чувствовала, что это так.

Так было и нынче. Едва проснувшись, Мария Владимировна поняла, что пришла весна. Утро было прохладное, но солнце поднималось все выше и выше, светило приветливо, ласково. Деревья стояли голые, но уже готовые зазеленеть. На улице, откуда-то с вышины, лились песни. И эта музыка, и свежий воздух, и радостные лица людей, и праздничный наряд города — все говорило о том, что пришла весна, которая пела в душе Марии Владимировны.

Она шла ко Дворцу культуры. Сюда по давней традиции в дни праздничных торжеств приходят качканарцы. Потом пестрая и звонкая людская река течет меж тополиных берегов по улице Свердлова к центральной площади. И там, около трибуны, река вскипает бурливым "ура!" и в шелковом плеске знамен плывет дальше.

И Мария Карамышева счастлива оттого, что и она — маленькая капля этого могучего потока. Рабочий Качканар, сбросивший усталость, умытый Первомаем, идет навстречу новой весне. Это — ее город, ее судьба.

— Куда едешь и зачем? — разубеждали ее. — Да ты хоть знаешь, что это такое — Качканар?

— Нет, больших строек я никогда не видела, но очень хочу...

— Одумайся. И без тебя построят.

"Без тебя". Это ее не устраивало. И вот с комсомольской путевкой в руках, вместе с подружкой Тоней Смирновой, с группой молодежи в 300 человек отправилась Мария Песчанков Качканар.

Был март 1959 года. На Свердловском вокзале их провожали с оркестром.

"Вас там ждут" — эти слова ей особенно понравились и запомнились.

— Вас там ждут, — говорил позднее и незнакомый мужчина, который, возвращаясь из командировки, ехал с ними в одном вагоне.

На станцию Нижняя Тура приехали ночью. Высыпали на перрон. Неприятливо, неуютно. Дует пронзительный ветер. Холодно и темно. Девчонки волнуются: а может, и не ждут их тут вовсе?

Вдруг откуда-то из темноты зычный мужской голос. Он приветствует прибывших, и на душе у Маши становится теплей.

— Не волнуйтесь, — говорит мужчина. — Сейчас будет транспорт. Девушки садятся в автобусы, парни — в крытые машины. Скоро поедем.

На другой день направились в отдел кадров.

— Пойдете работать в СУ-5, — сказала женщина с низким грудным голосом, который показался Маше грубоватым.

— Я хотела бы в СУ-4.

— Не подходишь.

— Почему? Смирнову же направили в СУ-4.

— Смирнову? Это ты, которая только что вышла? Так ведь она, сама видишь, крепкая, троворная. Ты на себя посмотри... Хрупкая, как былинка. Куда такую в СУ-4?

— Но Тоня — моя подруга. Не разлучайте нас.

— Ишь ты, "не разлучайте". Ведь там котлованы, там сила нужна, работа тяжелая... "Не разлучайте". Да я добра тебе желаю.. Ну, смотри! Заплачешь потом, назад проситься будешь — не переведу!.. Иди к своей подруге...

Работа действительно была тяжелой. Разгружали вагоны со щебенкой, кирпичом, шлакоблоками, рубили лес, строили лежневку, рыли котлован под фундамент хлебозавода. К концу дня Маша так уставала, что буквально валилась с ног. В такие минуты ей вспоминались слова: "Вас там ждут, вы там нужны". Конечно, нужны: и хлебозавод качканарцам нужен, и жилые дома, и комбинат. Значит, надо строить. Глубоко вздохнула и снова бралась за лопату.

Хрупкая девушка оказалась твердой и упорной. Работящая и веселая, инициативная и энергичная, она легко и как-то сразу влилась в коллектив, и вскоре молодежь четвертого стройуправления выбрала Машу Песчанко своим вожаком — заместителем секретаря комсомольской организации.

Не заметила Маша, как пролетел год и вновь наступила весна.

1960-й оказался удивительным, полным приятных неожиданностей. Во-первых, ее наградили медалью "За трудовую доблесть". Во-вторых, когда в мае 1960-го проходило Всесоюзное совещание бригад и ударников коммунистического труда, в Москву направили ее, комсомолку Марию Песчанко — одну от всего Качканара, от всего Нижнетуринского района. И эта награда, и эта поездка заставили ее испытать совершенно новое, неведомое ранее чувство.

Как оно называется? Наверное, чувством Родины. Если раньше Маша знала, что есть у нее друзья, есть трудовой коллектив, и связывала эти понятия с Качканаром, то теперь она, пожалуй, впервые так отчетливо почувствовала, что есть у нас Родина, большая и щедрая, которая высоко ценит наш труд.

В Георгиевском зале Кремля звучал Гимн Советского Союза, пели "Марш бригад коммунистического труда", обменивались опытом, слушали поздравления и приветствия, а Маша думала о том, как много у нее друзей: целый зал, вся страна! В эти торжественные минуты она глубоко осознавала, что могущество страны, ее богатство зависит от каждого из нас. Поездка в Москву явилась для нее настоящим праздником. Маша думала о том, что такие праздники очень нужны людям как заряд вдохновения и бодрости.

Домой вернулась обновленная, полная энергии и новых комсомольских замыслов. А энергия была нужна: дел впереди много. Рос таежный поселок, поднимались корпуса горно-обогатительного комбината. В Качканар прибывали новые отряды добровольцев.

Летом 1960 года первостроители встречали большую группу моряков, уволенных в запас. И был среди них тот, единственный...

Маша работала, строила город и как-то не задумывалась над тем, где бродит ее личное счастье. А он, Павел Карамышев, оказывается, плавал в каких-то дальних морях и вот появился на качканарской земле, чтобы встретить здесь ее, Машу Песчанко.

Свадьба была комсомольской. Маша сидела рядом с Павлом и едва сдерживала слезы. Ей, которую никогда не видели плачущей, сегодня хотелось плакать.

"Не хватало еще разреветься в такой день", — с досадой думала девушка. Говорят, что невесты плачут. Нет, она слезы лить не намерена. Да что поделаешь, если вспомнились мама и папа. Ведь это так естественно — думать на свадьбе о родителях, видеть их рядом.

Отец, военный летчик, был стройным, подтянутым, сильным и добрым. И звал ее Марусей. Вот, пожалуй, и все, что она помнит — была слишком мала, когда они расстались с папой навсегда. В 1941-м они жили недалеко от границы, где-то под Брестом. Войны еще не было, а папа уже прощался с ними. И дети, и мама думали, что он, как обычно, скоро вернется. Но через несколько дней началась война — и больше они не увиделись. Отец погиб в 44-м. В том же году умерла мать... Не знают они, что выросла их Маруся и замуж выходит.

Рядом сидит Павел. Своей выправкой и аккуратностью он очень напоминает отца, оттого и хочется Маше заплакать. Кричат "горько!", а ей и впрямь горько от нахлынувших воспоминаний. Она улыбается сквозь слезы.

Ей немножко неловко перед друзьями, которые устроили для них с Павлом такой праздник. Организовали субботник, заработали денег, купили молодым кровать и диван, два стола: кухонный и круглый. И устроили комсомольскую свадьбу. Эта свадьба поет и пляшет. Веселятся ребята и девчата. Их улыбки говорят: "Не огорчайся, Маша! Нет у тебя родителей, но семья есть — большая, комсомольская, дружная. Здесь тебя любят, здесь верят в тебя. Будьте счастливы!"

Они стали счастливы. Работали и учились. При учебно-курсовом комбинате треста "Качканаррудстрой" Маша получила строительную специальность и стала работать на башен

ном кране. Работала, как всегда, увлеченно, гордая тем, что участвует в возведении горно-обогатительного комбината. И вскоре, сама того не ведая, стала героем дня.

— Ты журнал видела? — прибежали подруги. — Нет? А тут твой портрет напечатан.

Это был журнал "На стройках России", седьмой номер за 1961 год. В девушке на башенном кране, смотревшей с обложки журнала, Маша узнала себя. По всей обложке — яркий призыв: "Привет строителям — героям семилетки!"

Маша вспомнила недавнего корреспондента. Значит, он ее все-таки сфотографировал. Но почему именно ее? Ведь она такая же, как все, как многие.

— Вот потому и сфотографировал, — говорили друзья и искренне радовались: с журналом смотрела Мария Карамышева, смотрела трудовая юность Качканара.

Город юности рос, поднимаясь ввысь корпусами комбината. Играли свадьбы, и уже бегало по земле новое поколение качканарцев.

У Карамышевых родилась дочь. Сложные чувства испытала Маша с появлением ребенка. Прежде всего, конечно, радость материнства. И вместе с тем какую-то утрату. Непривычно было сидеть дома, не видеть друзей, не работать. Слово полмира потеряла! Пришла через три месяца на обогатительную фабрику — там уже колонны стоят. Так много построили! Какие молодцы!

— И все это сделано без меня. Очень жаль! — говорила она дочке, которая сладко посапывала в кроватке. Чего только не наговорит, о чем только не передумает Маша, глядя на свою малышку. Но чаще всего в такие минуты ей вспоминалась мать.

Бомбить начали ночью, когда все мирно спали. Мама бегала по городу, кого-то искала, хотела узнать, когда будут отправлять семьи военнослужащих. А Маруся с маленьким братом чуть не потерялись тогда в этом ужасе и неразберихе.

Потом был какой-то парк, где росли раскидистые липы. В парке было много людей и автомашин.

Потом дорога, длинная и страшная. Горящий мост и горящее поле, какой-то бугорок, за который спряталась Маруся, а за бугорком — луг с красивыми цветами. Ей хотелось убежать на этот луг, но бежать надо было к машине, потому что бомбежка кончилась и уцелевшие поехали дальше.

— Скорей, Маруся, скорей! — говорила мама. — Да зачем тебе этот чайник? Брось его и беги быстрее!

И действительно, зачем он ей, этот самый обыкновенный, без всяких узоров, коричневый чайник? Но пятилетняя Маруся так и не бросила его, и когда кончилась эта дорога длиной в 18 суток, чайник был при ней — единственная вещь из прежней, мирной жизни. И девочка ласково гладила его по крутым бокам.

Приехали в село Клиницы Брянской области, к родителям отца. И тут мама уснула. Спала она больше двух суток. Думали, что умерла.

— Пульс есть — значит жива, — говорили женщины. — Не надо будить — пускай выспится. Силы еще понадобятся.

Да, ей еще многое пришлось пережить: и фашистскую оккупацию, которая, к счастью, была недолгой, и известие о гибели мужа-летчика, и тревогу за будущее своих детей... Умерла на глазах Маруси — первоклассницы.

— Ах, Ольга, Ольга... Быстро сгорела, — причитали соседки, и Марусино сердце разрывалось от горя.

— Ах, Оля, Олюшка... Ты проснулась? — разговаривает Маша Карамышева с дочкой. — Ну, вставай. Посмотри, день-то какой красивый, солнышко какое приветливое...

Взволнованная воспоминаниями, она крепко прижимает девочку к себе, словно хочет прикрыть, уберечь ее от всех бед и тревог.

Конечно же, они будут, и беды, и тревоги. Но Маше так хочется, чтобы дочь через всю жизнь пронесла в своей сердце весну, как несет и чувствует ее она.

Ей очень везло на хороших людей

Школа № 3, наполненная взрослыми голосами, светилась улыбками и электрическими огнями. Был один из первых февральских дней, собравший в школьных стенах выпускников разных лет.

Лидия Алексеевна шла по многолюдному коридору, когда навстречу ей с распростертыми объятиями устремился молодой мужчина. Он низко поклонился ей, опустился на колени и со словами искренней благодарности вручил учительнице огромный букет цветов. Она была очень взволнованна и чувствовала себя счастливой, потому что ее давний ученик в это прекрасное мгновение смог выразить то, что всегда чувствовала она сама. С раннего детства Лидия Алексеевна к учителю относилась именно так: коленапреклоненно, восхищенно, глядя снизу вверх; и всегда была готова подарить учителю все цветы своей души.

Учительницу Анну Филимоновну Толченицыну Лида боготворила. Впрочем, в ту пору к школе и учителям все относились с благоговением. Спокойная и тактичная, с тонким чувством юмора, умением любить и понимать людей, Анна Филимоновна готова была помочь каждому, и, казалось, не было такого вопроса, который поставил бы ее в тупик, на который она не знала бы ответа. Лиде очень хотелось быть похожей на Анну Филимоновну.

Впрочем, если вы спросите Лидию Алексеевну Юмину, почему она стала учителем, то услышите:

— Мне очень везло на хороших людей.

Ответ на первый взгляд неожиданный. А если подумать, то так ведь и получается: хороших учителей делают хорошие люди. Кто же они?

Прежде всего это Лидины земляки из Петропавловска. Расположенный в живописном месте поселок был небольшой, 30-40 дворов в одну улицу, и очень дружный, словно одна семья. Здесь Лида получила первые уроки доброты, взаимопонимания и взаимовыручки. А у своих родителей училась она трудолюбию и человеческому достоинству.

Папа Алексей Николаевич был трактористом на прииске, работал по 12-13 часов, быстро подорвал здоровье и рано ушел из жизни, так и не увидев маленького Алешу, который должен был скоро появиться на свет. И мама Екатерина Васильевна (низкий ей поклон) одна поднимала шестерых детей, получая мизерную пенсию. Воспитывала в строгости. Дети познали холод и голод. Но мама учила не показывать свою бедность, не просить и не унижаться или — не приведи господь! — взять чужое.

Учительница Анна Филимоновна хотела помочь и звала Лиду пожить у нее. Своей семье она не имела, посвятив себя школе и чужим детям.

Жила она в Петропавловске, а работала в Косье. И, наверное, рядом с Анной Филимоновной Лиде было бы тепло и уютно. Но нет, мама не отпустила ее из семьи.

С 5 класса Лида стала ходить в Косьинскую школу, как и другие петропавловские ребяташки. А ходу — три километра туда и столько же обратно. Ходила Лида босиком. Да что же делать, если обувки нет, а учиться очень хочется! Вымоет ноги в канаве перед школой — и в класс. Но однажды почувствовала себя униженной.

На уроке математики Лиду вызвали к доске. Отвечала она хорошо. И вдруг те, кто не изведал вкуса бедности, захихикали над босоногой девчонкой. Обида обожгла сильнее, чем первый сентябрьский иней. Лида расплакалась и села на место. Тогда учитель Федор Федорович попросил ее сходить в учительскую за мелом.

А когда девочка вышла, он преподавал классу короткий урок нравственности. И сельская ребятня, по сути своей незлобивая, усвоила раз и навсегда, что нельзя смеяться над бедностью.

Лида ходила босиком весь сентябрь, пока мама не получила пенсию. И вот настал он, счастливейший день. 1 октября Лида с подружками шла в школу. А навстречу, из Косьи, мама:

— Лида, завтра ты пойдешь в новых ботинках!

Да разве можно ждать до завтра, если вот они тут, купленные мамой ботинки! Вымыла ноги в речке Шумихе и надела обновку.

А когда начался урок, ребята, кто шепотом, а кто погромче, подсказывали учителю:

— Вызовите Лиду!

— Спросите Лиду!

Им очень хотелось видеть ее у доски в новых ботинках и радоваться вместе с ней.

А жизнь продолжалась — урок за уроком, год за годом. В 1957-м старший брат Леодор, сестры Людмила и Галина уехали в Качканар. А у Лиды впереди был еще 10 класс, были юношеские метания между Московской художественной школой (она хорошо рисовала) и Всесоюзной комсомольской стройкой, какую являлся тогда Свердловский завод ЖБИ. У ней на руках уже была путевка, выданная Нижнетуринским горкомом комсомола. Лида в окружении подруг уже сидела на станции, ожидая поезда на Свердловск.

Но крытое грузовое такси подошло раньше поезда. И вдруг Лида села в эту "душегубку" и поехала в Качканар. Не собиралась вроде — а поехала. Видно, там была ее судьба. А от судьбы никуда не уйдешь и не уедешь, даже по комсомольской путевке.

Начальник только что созданного третьего стройуправления А.А.Ерофеев долго хохотал, глядя на Лиду. "Заявление, что ли, с ошибками написала?" — недоумевала девушка.

— Ну куда я тебя, куда? — вдруг прервал он смех вопросом и обратился к мастеру: — Принеси-ка лопату...

А когда тот вернулся с совковой лопатой, Ерофеев поставил ее рядом с Лидой:

— Ну куда я ее? Она же меньше лопаты! — и опять засмеялся. — Ну ладно, приходи денька через три, посмотрим...

Через три дня стала Лидия Юмина разнорабочей первого разряда. Ее рабочая эпопея длилась до 1961 года. Строили первые детские ясли и детсад, школу № 3, другие объекты. Немало прошагала Лида и как ученик геодезиста.

Однажды надо было сделать отметки днища котлована под корпус крупного дробления. Весной котлован заполнялся талой и грунтовой водой. Вот откачали воду, положили доску. Добралась по ней Лида до угла котлована и стоит, боясь переступить, чтобы маркшейдерская рейка не покачнулась. Вот инженер махнул рукой: дескать, съемка закончена. А Лида с места двинуться не может: засосала ноги жидкая глина, набилась в сапоги.

Пробрался к Лиде один из рабочих, поднял ее на руки да так и нес на руках до кабины самосвала. А сапоги остались на месте. И по сей день они там, под корпусом крупного дробления. Не потому ли так прочно стоит этот корпус и весь комбинат, не

потому ли в 60-е годы так быстро рос Качканар, что крепким основанием для него явились и Лидины сапоги, и самоотверженность и энтузиазм первостроителей.

Как и другие, Лида работала настолько самозабвенно, что однажды, видимо, не рассчитала, не соразмерила свои силы и от большой физической нагрузки упала в обморок. Потом, конечно, была больница. А когда девушка поправилась, ее перевели в маркшейдерский отдел треста.

И тут ее судьба круто изменилась, потому что попала Лида к очень хорошему человеку.

Это был Василий Иванович Путяшев. По-отцовски внимательный, он сразу заметил, что эта хрупкая девушка разрывается между работой и домом, а возвращается из дому расстроенной: ведь матери, которая осталась в Косье с двумя младшими детьми, жилось нелегко.

— Надо перевозить их в Качканар, — посоветовал Василий Иванович и помог Лиде получить благоустроенное жилье.

А когда в Качканаре открылся филиал горного института, он стал убеждать Лиду, что она должна получить высшее образование.

— Чтобы я не видел тебя больше в свободное время с художественной литературой! Здесь должны лежать учебники!

И Лида стала готовиться в институт.

Летом 1961 года в Бушуевке открылся пионерский лагерь, и Лида поехала туда отрядной вожатой. Приезжая на выходные, она рассказывала Василию Ивановичу о работе. И он, видя, с каким восторгом и упоением говорит девушка о детях, понял, что в них — ее призвание. И сказал однажды:

— Зачем тебе этот горный институт?

А Лида словно только и ждала этого вопроса. И полушутя-полусерьезно призналась:

— Да у меня только две мечты: стать учителем и выйти замуж за военного.

Первая мечта в облике Анны Филимоновны жила в ней с детства и казалась такой далекой, почти неосуществимой. А теперь выяснилось, что мечта эта совсем рядом. И поступила Лида в Нижнетагильское педучилище. Училась и работала, работала и училась. Успешно сдала государственные экзамены и пришла в школу № 1 — сначала старшей пионервожатой, потом учителем начальных классов и учителем рисования в пятых-седьмых. И ей опять повезло: ведь здесь работали истинные энтузиасты своего дела, такие, как Вера Кузьминична Матвеева, Галина Георгиевна Селянина и другие. Делать первые самостоятельные шаги рядом с ними было счастьем.

А когда открылась школа № 3, Лидия Алексеевна перешла туда со своим классом. Директором школы был Константин Семенович Юмин. Педагог по призванию, он сразу отметил, что его родственница — человек в школе не случайный, и старался быть ей добрым наставником. И Лидия Алексеевна работала, будто на крыльях летала, она просто жила школой. Ее очень любили ученики и их родители. Как человека творческого, активного знали Л.А.Юмину и по работе в пионерских лагерях. Да и на стройке за ней всегда шла добрая слава.

И, конечно же, совсем не случайно на комсомольской конференции треста избрали ее в комитет комсомола стройки. Это для Лиды было смерти подобно. Слезно просила она ребят, чтобы не избирали. Но проголосовали единогласно. На три

года в сектор учета — это непостижимо, это не для нее!..

Но работала. И никак не укладывалось в голове, почему она должна быть здесь, если сердце ее там, в школе. И дети тоже не могли понять, почему они должны расстаться с любимой учительницей.

— Ребята, подождите немного, а в третьем классе я к вам снова приду.

“Обязательно приду!” — решила для себя Лидия Алексеевна.

С января до июня работала она в комитете комсомола, летом — в пионерском лагере. А осенью — в школу, в школу, в школу!..

Упрямыцу вызвали на заседание парткома треста. Присутствующая там член Нижнетуринского горкома партии Клавдия Павловна Сухенко убеждала:

— Я ведь тоже учитель, а вот избрали меня — и работаю. Надо быть там, куда партия пошлет. И не могу понять тебя: в школе получаешь 70 рублей, а здесь 140, планов писать не надо, к урокам готовиться не надо.

— Все равно уйду!

— Даже если придется расстаться с партийным билетом?

Да, она готова была выложить на стол этот важный документ.

— Хорошо, — сказали ей. — Идите. Мы разберемся.

И вскоре созвали внеочередной пленум. Приехали за Лидией Алексеевной в пионерский лагерь “Орленок”. И вот решают ее судьбу путем поднятия рук. А она ждет с замиранием сердца. Семь — за. И семь — против. Как же быть? Пауза затянулась. Ее прервал один из членов парткома.

— Я строитель. И буду счастлив, если мой ребенок придет в класс к такому учителю, как Лидия Алексеевна. Как она любит детей! Я снимаю свой голос.

Таким образом настойчивая просьба Л.А.Юминой об освобождении ее от должности заведующей сектором учета была удовлетворена. Лидия Алексеевна вернулась в школу и больше с детьми не расставалась: зимой она учитель, летом — бессменный пионерский вожатый. Когда ее спрашивают о личной жизни, она отшучивается:

— Что может быть личного, если я всю жизнь по лагерям?..

Тут очень кстати будет сказать, что Л.А.Юмина установила качканарский рекорд, проработав в пионерских лагерях 50 смен. К рекордам, разумеется, не стремилась. Уж так ей сердце велело. Лишь с Иваном Михайловичем Огневым, начальником лагеря, она проработала старшей вожатой целых десять лет. И до сих пор с благодарностью и теплотой вспоминает этого хорошего человека, чья добрая энергия была через край.

Не может не вспомнить она и М.В.Левитского. Впрочем, стоит ли удивляться: ведь его, первого управляющего трестом, почти все первостроители знали в лицо. Удивительным для Лидии Алексеевны было то, что через много лет он узнал ее и очень обрадовался встрече. Это случилось во Дворце культуры, где праздновалось 25-летие Качканара. Она подошла к Левитскому в многолюдном фойе, и тот, внимательно взглянув на нее, улыбнулся:

— Лида?.. Детский дом?.. Ну, конечно, Лида...

Качканарские комсомольцы шефствовали над детским домом в Косье и умели каждое свое посещение превратить для детей в праздник. А для этого нужен был не только молодой задор, нужны были деньги. И Лида неоднократно обращалась к управляющему трестом, и тот никогда не отказывал в помощи. Да и как откажешь

этой настойчивой девушке, тем более что речь идет о сиротах. А узнав, что детдомовцы нуждаются в литературе, подарил ребятам не один десяток книг из своей домашней библиотеки.

В тот юбилейный вечер большой зал Дворца был переполнен. Раздались дружные аплодисменты, когда под звуки музыки в зале появилось знамя комсомольской организации стройки. Его нес Тадеуш Нива в сопровождении ассистентов Валерия Гаркачева и Лидии Юминой. Лида смотрела в зал и с гордостью думала об этих людях, построивших в тайге юный город и этот прекрасный Дворец. Выросшие вместе с Качканаром, они теперь на четверть века старше, а их лица и сердца по-прежнему молоды.

Качканар вырастил и ее, хрупкую девушку из поселка Петропавловска, и гордился ею. Об этом и сейчас, через 40 лет, напоминают бесчисленные грамоты: за активную работу в комсомоле, за творческую и увлекательную работу в пионерских лагерях "Строитель", "Орленок", "Урал", за многолетний добросовестный труд, за успехи в воспитании подрастающего поколения... Это награды, это признание.

Но разве может быть выше награды, чем та, когда твой давний ученик дарит тебе цветы и искренне говорит: "Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!"

простая и удивительная

Недавно познакомились мы с Азой Ивановной Самойловских. Главное чувство, которое я испытала в ее квартире и которое унесла с собой, — это удивление.

Здесь много поистине удивительных вещей, делающих ее небогатое жилище уютным и теплым. Вязаные, плетеные, вышитые, строченые изделия: салфетки и подушечки, вазочки и корзинки, коврики и картины — всего не перечислить. С интересом рассматривала я эти произведения искусства, поражаясь терпению мастерицы, умеющей из старого сделать новое, изящное.

Вот ковер во всю стену, по-прежнему нарядный и яркий, хотя лет ему немало.

— Мне в ту пору тоже охота было ковер заиметь. А на магазинный-то где денег взять? Да и стоять надо было за ковром-то, в очередь записываться и отмечаться, — говорит Аза Ивановна. — Вот сама и выткала.

Два или три мотка пряжи по 3 рубля 50 копеек (хотела ребятам что-нибудь связать) — вот и все материальные затраты на это долговечное изделие. Остальное — ветошь да обрезь, выдумка и труд, кропотливый труд ткачихи, наградой за который была неподдельная детская радость.

— За ткацкий станок я уж давно не садилась, но он и сейчас в гараже у меня стоит.

Еще один ковер, не менее внушительный (2,5x2,5 м) лежит на полу. Неугомонная рукодельница плела его со сломанной рукой. Еще гипс не сняли, а она уже потихоньку-полегоньку мотала, заготовки делала.

— А чего ждать-то? Все равно руку разрабатывать надо, быстрее заживет. Да и без дела сидеть тошно.

А потом за этим ковром с радиозавода на самосвале приезжали, чтобы чудо-изделие вместе с огромной вязаной вазой доставить на выставку.

— Вышла я с больничного на работу — а мне торжественно вручают награду: детскую подушечку-кошечку и большого медведя. Замечательный зверь, даже реветь умеет. Но об этом я узнала случайно только через год: делала ремонт и уронила Мишку — он и заревел. Вот прелесть-то!..

Действительно прелесть, как и все, что ее окружает. Казалось бы, чему я удивляюсь: ведь рукоделие — чисто женское занятие. Но Аза Ивановна колдует не только иглой да нитью. Она ловко выжигает и выпиливает по дереву. Изделия из тонких деревянных кружев украшают комнаты.

И кухню она оборудовала на свой манер. Деревянные полочки и шкафчики, можно сказать, целый кухонный гарнитур — все Аза Ивановна сделала своими руками. Благоустроена, реконструирована и ванная комната, и в туалете самодельные шкафчики да полочки.

— Очень даже удобно: каждая вещь на месте, знаю, что и где взять.

Вот такой она столяр и плотник. И более того: оказывается, Аза Ивановна даже гараж сама построила. Одна. Женщина.

Был когда-то у них мотоцикл "Минск", и вся семья на курсах овладевала правилами вождения, даже младшего сына-детсадника с собой брали. Экзамены Аза Ивановна сдала на "отлично". Не знаю, коня на скаку остановит ли, но этого железного коня она оседлала, приручила.

Немало времени прошло, и многое в ее жизни изменилось. Ушел в армию старший сын Олег — и мать, мечтающая о хорошей шубе, сапогах и фабричном ковре, изменила свои планы.

— Думаю: пока сын служит, куплю-ка я мотоцикл. Оформила кредит — и купила «Юпитер». И стала гараж строить у ЛЭП. Получилось. Порадовалась за себя. А потом и на дом замахнулась...

Написала Аза Ивановна заявление — и радиозавод оказал ей материальную помощь. Да на сапоги у ней деньги лежали. Приобрела шлакоблоки, горбыль, другие строительные материалы. А остальное — дело рук и времени. Пять лет строила с сыном-подростком в подмастерьях. И стоит теперь этот дом в Именновском — хозяйке на радость, людям на удивление.

— Иду как-то в толпе приехавших садоводов и слышу за спиной мужской разговор. «Видишь этот дом?.. Его баба построила. Сама построила!» Мне вроде и неловко это слышать, и в то же время приятно.

Конечно, приятно, если мужчины по достоинству оценили твой неженский труд. Немало было тут и тяжелой физической работы, и более тонкой, кропотливой, например, делать рамы, стеклить их, выпиливать резные наличники — зато как весело смотрят на мир эти окна в деревянных кружевах!

В этом домике с мезонином особенно оживленно бывает весной и летом. Здесь Аза Ивановна держит кур и кроликов, сама выделывает шкурки (ну не удивительно ли!) и шьет внучатам шапки. Она хороший садовод, который умеет выращивать все, вплоть до арбузов. На земле Аза Ивановна работает с удовольствием. А к Именновскому у ней особое отношение, непреодолимая тяга. Ведь в этом поселке старателей жили ее родители, здесь Аза росла. Отсюда ушел на фронт и не вернулся ее отец. Нелегко было матери с тремя сыновьями и маленькой дочуркой на руках. А потому в школу Аза ходила недолго (главное было мужиков выучить), хотя к наукам оказалась способной и училась с желанием.

И работать Аза начала рано. Официально ее трудовая биография началась 27 марта 1957 года, когда девушка еще не достигла совершеннолетия. Устроилась она развальщицей в механизированную колонну № 72, которая вела отсыпку полотна железной дороги от Качканара до Чекменя.

— Не знала я тогда, что строю этот путь для себя, что маршрут из Качканара до Именновского станет основным в моей жизни. Не знала, что дорога эта сведет меня с суженым. Солдаты, которые приехали после армии и работали у нас шоферами, вскоре всех девчонок расхватали.

И связала Аза свою судьбу с Николаем Вдовиным. Вместе делили первые радости и невзгоды, лелеяли первенца Сережу. И не знали, что век его окажется таким коротким.

Вы можете представить мальчишку-первоклассника, заживо засыпанного землей? Вы представляете глубокую яму с берлогой-подкопом, который образуется, когда роют глину для печной кладки? Дело было в Именновском. Взрослый парень копал яму, таскал землю, а Сережа крутился около, желая помочь ему. И, играючи, залез в эту берлогу, а ее крыша, подмытая дождями, обрушилась на ребенка.

Что помогло тогда матери не сломиться? Ей не хватало воздуха, словно ее тоже засыпало землей. Как скинуть с себя эту смертельную тяжесть? Силы ей дал другой сынок, Олег, которому тогда шел второй годик.

Он помогал и потом, когда они с мамой остались вдвоем: папа оказался плохим семьянином.

— Запутался он совсем и дал чесу из Качканара. Тринадцать лет жила я одна. А потом вышла замуж за Анатолия Самойловских.

Жизнь ее второго избранника закончилась трагически: он утонул, оставив Азе Ивановне сына, тоже Анатолия.

Толя Самойловских стал артистом цирка. Учился у Вячеслава Ефанова и Марии Голомидовой — и вылетел из родного гнезда. Теперь его жизнь — в постоянных гастролях.

— А я их называю халтурщиками, — говорит Аза Ивановна, но в ее голосе слышится гордость за сына, признание его актерского мастерства.

Что еще сказать об этой женщине? После механизированной колонны была она рабочей в Именновском магазине, электрокарщицей на базе орса и на КЗРГО.

— В орсе платили немного, всего 60 рублей, вот и ушла. А на заводе — 86, есть разница. Не заметила, как кредит выплатила (я ведь без кредита не жила), даже справила свой день рождения, который я никогда не отмечала.

А последние семнадцать лет перед пенсией Аза Ивановна работала электрокарщицей на радиозаводе. Здесь ее жизненная тропка пересеклась с другой, такой же непростой и извилистой. Это был Валентин Седых, человек вдовый и добрейший.

Его доброты хватало, чтобы ухаживать за больной тещей и взрослой дочерью, которая была семь лет прикована к постели да так и не поднялась. Его доброта и внимание всегда поддерживали жену, которой, к сожалению, тоже не пожилось на этом свете.

— Проводила она сына в армию, а встречать его пришлось уже мне. Принял меня Вова хорошо, говорит, что я очень похожа на маму, и сразу стал меня мамой звать. Стали жить-поживать. В полном ладу. А какая же семья без ладу?.. Нет для меня родных и неродных детей — все мои: сыновья, снохи, внуки. Всех люблю, всех жалею... И Валентин берег меня очень: такой уж человек щедрый... Да недолго-веким оказался — разбился на радиозаводе...

Я смотрела на Азу Ивановну, беседовала с ней — и не переставала удивляться. Она ни разу не посетовала на жизнь. Не жаловалась на нищенскую пенсию, не проклинала маленькие и большие власти, не сказала ни одного плохого слова о родных или знакомых. Словно живет она на другой планете, где каждое утро встает солнце, каждый год приходит весна, где у добрых бабушек растут добрые внуки. Она умеет радоваться и радовать других.

Мы познакомились с Азой Ивановной зимой. А недавно я позвонила ей и спросила, как поживает.

— Хорошо живем, — бодро ответила она. — Встала сегодня пораньше, в четыре часа, пельменей внучкам настряпала. А с часовой электричкой в огород с ними поедем... Весна пришла... Хорошо...

Родник души

Утро в тот день было теплым. Уже чувствовалась весна. Небо застыло над головой, голубое, с белыми полосами облаков, где-то у горизонта золотясь и переливаясь всеми цветами от бордо до нежно-розового. Глядишь на эти облака — и кажется, что снизу они подбиты шелком. Нежные, они не тают и не расплываются... Так бы поднялась на крыльях и летела к ним.

Нина задумчиво смотрит на небо и декламирует. Девчата загадочно переглядываются; они уже знают: раз она начала что-то читать, не торопясь, словно припоминая, — значит, с ней что-то произошло; такая уж она странная.

Может быть, и произошло. Нина не знает. Просто ей приятно смотреть на весеннее качканарское небо. Она улыбается и, вооружившись вниманием окружающих, задумчиво говорит:

— Как хорошо жить и чувствовать, что ты уже взрослый!..

Детство. Как давно это было!.. Забравшись на колени к маме и свернувшись калачиком, Нина слушает ее сказки и песни, а мама нежно гладит ее по голове своей загрубевшей рукой. В их большой семье Нина была последним ребенком; видимо, поэтому ей больше доставалось ласки. Росла она хилой, болезненной. "Прибрал бы уж господь", — частенько говаривали соседки. Но девочка жила и тянулась, как травинка к солнцу.

Себя она помнит с конца войны. В тот день еще не рассветало за окном, все еще спали, а улкомша уже барабанила в стекло:

— Архипьевна, слышь-ко, войне конец!.. Проснулась, нет? Война кончилась, — еще раз вскричала она и побежала дальше.

В домах вспыхивали огни, и люди, взбудораженные и взволнованные, выбежали на улицу. Залаяли собаки, заголосили бабы, а ребятишки, оборванные и взломаченные, сновали челноками среди этой разноголосицы.

Так в поселок Черноисточинский пришла радостная весть. А люди плакали. Плакала и мама о погибших муже и старшем сыне. Но Нина была еще слишком мала, чтобы понять всю глубину и безысходность этого горя.

Росла она застенчивой, замкнутой, хотя подруги были. Но больше Нина разговаривала с собой и мечтала. Молча. На уроках часто думала о своем, о брате и отце, которого представляла только по рассказам мамы. И если в такой момент ее вызывали к доске, она отказывалась отвечать урок, хотя и знала материал. Плохие отметки ее не волновали, она их легко исправляла. И все больше и больше уходила в себя, становилась упрямой.

Так проходили зимы. А лето... Летом она была сама собой. Они с подружкой пасли коз. Уходили в лес рано и всегда — на гору, там встречали рассвет. Прижавшись друг к дружке, наблюдали, как алел восток. Серебристо-оранжевые облака все дальше и дальше плыли от горизонта, и вот из-за края земли выплескивались первые солнечные брызги. Нина замечала, что все живое встречало рассвет по-своему: роса становилась хрустальными бусинками, голубые колокольчики быстро раскрывали свои бутоны, звонче пели птицы. Зачарованные утром и просторами, открывавшимися с горы, девочки подобно птицам парили на крыльях фантазии. Подруги часто наблюдали, как, гонимые ветром, быстро плывут облака или тучи.

Так же быстро пролетело и детство. Осенью 1958 года Нина закончила Нижнетагильское техническое училище № 8 и с правами машиниста компрессоров и насосов приехала в Качканар. Доброта и искренность, любовь к родному краю, вли-

танная с молоком и песнями матери, мечтательность и восторженность — вот тот багаж, который привезла она из своего детства. И здесь, где начинался юный город, Нине приятно было сознавать себя самостоятельной, взрослой.

— Это ты-то взрослая? — кто-то насмешливо окликнул сзади. Оказывается, ребята, выходявшие на работу чуть позднее, уже догнали девчат. А насмешник — тот самый парень, которого Нинино сердце почему-то выделило среди других и который, она чувствовала, тоже заприметил ее.

А вечером они бродили по поселку, взявшись за руки, вдыхали весну и говорили о самом главном. А наутро все преобразилось: и солнце светило по-особому, так, как оно светит только счастливым; и Нина вдруг отчетливо поняла, что она здесь строит не только новый город, но и свою судьбу.

Строился Качканар быстро, работа кипела. Вот небольшой экскаватор роет траншею, а следом за ним уже укладывают трубы водопровода. Чуть в стороне пытит компрессор и слышится веселая трескотня отбойных молотков — они как кузнечики летом: самих не видно, а треск разносится далеко. А вот и она, восемнадцатилетняя хозяйка этого агрегата. Прикрыв курносый нос от палящих лучей, задумчиво смотрит на мотор, прислушивается к его тихим вздохам: тя-же-ло! Сама тоже вздыхает, достает зеркальце и, мельком глянув в него, наводит солнечный луч на рабочих. Те отворачиваются и грозят проказнице пальцем, смеются. Ей весело. Да, хорошо жить, любить и быть любимой! И хочется о любви своей рассказать всем, но Нина не делает этого, хотя ее сердце стучит сильнее, чем эти молоточки-кузнечики.

Нет, о самом сокровенном она молчит, доверяясь лишь чистому листку бумаги. Да и кому еще расскажешь, если хочется говорить стихами?

Дрогнула ветка от взорванных почек,
где-то кукушка открыла свой счет,
и закружилась в лесном хороводе
стая кудрявых красавиц берез;
и закружилась в лесном хороводе
первых подснежников легкая пруть,
первых фиалок лазурная просинь,
первых проталинок малахит.

Первое девичье чувство завладело Ниной властно, как весна. Встретила его доверчиво и с радостью, хотя отношения влюбленных были неровными: да мало ли чего не принесет весеннее половодье?

А потом был октябрь 1960-го, когда среди первостроителей появилась еще одна молодая семья — Герасименко, и Нина была счастлива. Все ее мысли и чувства были обновленными, чистыми и светлыми, как тот родник, о котором размышляла она наедине с заветной тетрадью.

Откуда он взялся, никак не пойму,
один среди поляны в замшелом лесу.
Быть может,
пастушка с большими глазами
слезу уронила в девичьей печали?
Быть может, грустила она на поляне
и с лесом делилась своими мечтами —
в том месте, где слезы смахнула рукою,

пробился родник под зеленой сосною.

Он был поначалу совсем невелик,
хрустальный, как слезы,
студеный родник.

Цвели на поляне медовые травы
и пили корнями целебную влагу.

Коснись родника острожно губами —
увидишь пастушку с большими глазами;
очаи своими сверкнет озорница —
и кажется медом лесная водица.

Родник ее любви, казалось, был неиссякаем. Рядом с дорогим человеком, верила Нина, он станет полноводной рекой. Но полноводной жизненной реки у них не получилось. На семейном небосводе чаще ходили тучи, чем светило солнце; шли грозные дожди, заливая грязными потоками этот чистый родник. И главное — эти грозы, вопреки природе, не приносили облегчения, не очищали воздух, дышать становилось все труднее. С каждым раскатом грома рушились представления Нины о семье как духовном единстве; ее избраннику оказались не нужны ни ее “души прекрасные порывы”, ни “дум высокое стремление”.

— Это ты-то взрослая? — насмешливо оборвал он ее восторженные речи в юности. И так — всю жизнь, только более пронзительно — как молния, и оглушительно — как удар грома.

И вот, как в природе во время страшной грозы с треском и сразу во многих местах лопается мнимая крыша земли, так через 14 лет треснула, рухнула и их семейная крыша, оказавшаяся тоже мнимой. И наступил октябрь 1974-го. Из суда, где был расторгнут их брак, они вместе прошли по Качканарской улице. А там, где расходятся несколько дорог, образуя центральную площадь города, их дороги разошлись, чтобы больше не встретиться.

Но не затем понадобилась мне Нина Герасименко, чтобы описывать зигзаги ее судьбы, и не затем, чтобы писать ее производственную характеристику. Скажу только, что избранной профессии она служит верно: первые десять лет работала на передвижных компрессорах в “Уралспецстрое”, а с 1968 года — на горно-обогательном комбинате.

А понадобилась мне Нина Герасименко для того, чтобы приоткрыть читателям хоть одну из граней этой нестандартной личности — ее одаренность. Конечно, каждый человек по-своему талантлив. Н. Герасименко одарена умением тонко чувствовать и понимать природу, ей дано, на мой взгляд, редкое чувство единения, слияния с природой.

Стою на зорьке в стылых камышах
и забываю про холодный ветер,
смотрю, как исчезают в облаках
последние пернатые созвездья.

Она умеет радоваться каждой росинке и каждой снежинке, видит прелесть и мудрость всякого времени года, она может беседовать с каждой былинкой.

За окошком тополь
мне ветвями машет,
шелестит листвою с самого утра;

знаю, что мне тополь
обо всем расскажет,
если постою я молча у окна.

Природа, как известно, сама талантливый творец, и Нину она вдохновляет на творчество.

В тихом вальсе закружились листья,
устилая землю, как ковер,
а в душе моей рождалась песня
и рвалась, как птица, на простор.

Песня рвется на простор — и выливается в задушевные строки. Сколько их, этих строк, поэтических и прозаических, в многочисленных тетрадах, исписанных не рукой, а сердцем. Только талантливое сердце может вместить радость и боль земли, планеты, всего человечества. От очень личного до вселенского — таковы просторы “песен” Нины Герасименко.

Песни и романсы, шутки и эпиграммы, посвященные друзьям, притчи на библейские сюжеты; трогательные лирические стихи о любви и природе; философские размышления о жизни и предназначении человека; проникновенные стихи о Родине, о Высоцком и Есенине, пронизанные скорбью строки о Викторе Хара и Пабло Неруде, о Чили и Афганистане, о войне и мире, о дне вчерашнем, нынешнем и будущем. И, конечно же, о своей матери и своих детях.

Вот, к примеру, стихотворение, посвященное дочери.

Чем-то ты сродни березке тонкой:
так же молчалива и хрупка,
гордая и милая девчонка,
так лицом похожа на отца.
Чем-то ты похожа на рябину:
так же безутешно слезы льешь.
Горькую слезам своим причину
ты сама когда-нибудь поймешь.
Ты светла, как белая ромашка,
и нежна, как розы аромат.
Хорошо, когда тебе семнадцать:
все на свете — только для тебя.

Нет, не зря бьет родник материнского сердца, не иссякает его целебная влага. Бьется ее родник и растекается по жизни новыми светлыми струйками — детьми и внуками. И струйки эти отливаются в заветных Нининых тетрадах новыми поэтическими строками. И в жизни ей было бы намного трудней, не обладай она даром этой молчаливой исповеди.

“Таланта у меня нет, я это знаю, да и литературного образования — тоже. А потому пишу для себя, для друзей, на славу не претендую. И бываю искренне благодарна, если мои стихи появляются в “Качканарке”, — признается Нина Михайловна в одном из писем в редакцию.

Есть у Нины такие строки:

Радость моя, ты пришла и ушла —
вот какая: на месте тебе не сидится.
Видно,

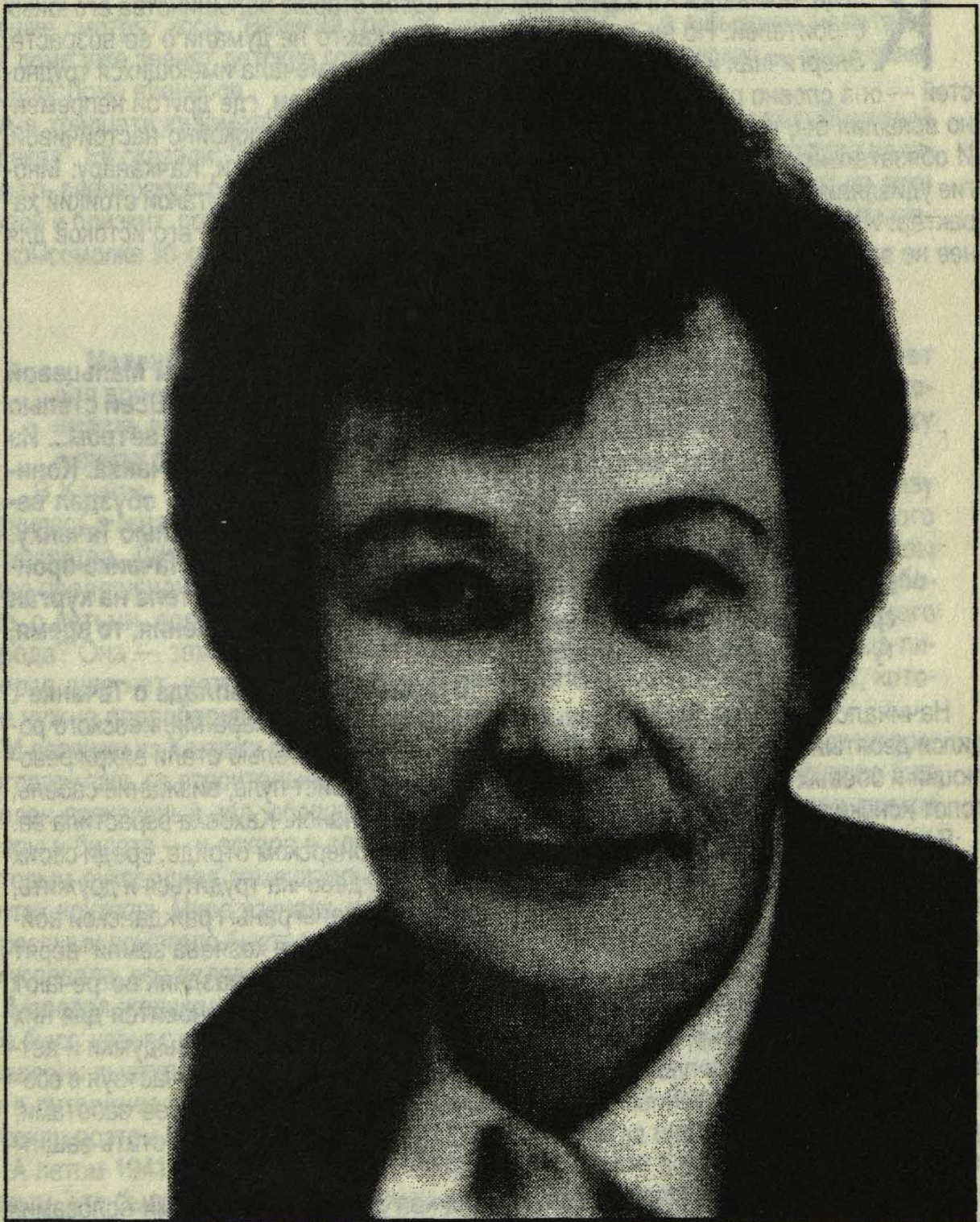
надо мне было стреножить тебя,
как коня молодого,
что любит резвиться.

Нет, не стану я
радость заковычивать в цепи,
а, напротив, я парус ей легкий сошью,
пусть подхватит её,
понесет свежий ветер,
серебристую чаечку — радость мою.

Нет, не буду я
прятать от всех свою радость
и хочу, чтобы крылья у ней отросли,
чтоб она высоко в синем небе купалась
и дарила бы песни всем людям земли.

В наше нелегкое время, когда радость, кажется, навсегда отвернулась от людей, а люди отвернулись друг от друга, приятно встретить человека, который не разуверился и не разучился радоваться, сердце и песни которого обращены к людям.

Солнцу и ветру навстречу

Когда начинался Качканар, она была вдвое старше большинства его юных строителей. Но ни она, ни окружающие как-то не думали о ее возрасте. Энергичная и красивая, она не то чтобы не замечала имеющихся трудностей — она словно радовалась, что эти трудности есть. Там, где другой непременно вспылит бы, взорвался, она оставалась выдержанной, спокойно-настойчивой. И обязательно добивалась того, что было нужно ей, молодежи, Качканару. Многие удивлялись: откуда у этой обаятельной деликатной женщины такой стойкий характер. И лишь самые близкие знали, что начинать новое, быть у его истоков для нее не впервой.

Девушка из Каховки

Среди документов и личных бумаг Миры Михайловны Мальцевой хранится журнальная вырезка: "Летит ветер на Каховку. Всей степью ветер. Ветер — словно испытывают тебя этим бешеным ветром... Из 20-го года с этим ветром вылетает в каховскую степь Тачанка. Конидьяволы, колеса-диски из быстроты и грома, возница — обуздал ветер, схватился за ветер, и кони ли, ветер — несут над степью Тачанку. Из далеких боев, из огня, из далекой памяти промчалась Тачанка-бронза по сегодняшнему приднепровскому раздолью и взлетела на курган среди широких полей, словно остановив с собой те сражения, то время, ту память, откуда примчалась.

В.Ольшевский, "Баллада о Тачанке".

Начинался 1917 год, когда в семье театрального парикмахера Милиевого родился десятый ребенок. Девочку назвали Мирой. Ее колыбелью стали вихри революций и боевых сражений, а колыбельной песней — свист пуль, визжание сабель, топот конских копыт да лихой говорок пулеметных тачанок. Каховка взрастила ее.

В родной семье и на уроках в школе, а потом в пионерском отряде, среди своих сверстников: украинцев, евреев и русских — училась девочка трудиться и дружить, познала прелесть настоящего братства. Еще не залечены раны гражданской войны, притаившийся враг еще стреляет из-за угла, а "молодые хозяева земли" верят в мировую революцию. Каждый год в сентябре как великий праздник встречают они Международный юношеский день. Короткое слово МЮД становится для них символом борьбы за мир, за счастье всех народов земли. Сколько выдумки и детской изобретательности проявляют пионеры и школьники Каховки, участвуя в сборе денег "в пользу угнетенных детей"! Они живут жизнью страны, ее заботами, тревогами и радостями, они вступают в ОСОАВИАХИМ и готовятся стать защитниками Родины.

Метко стреляет Мира Милиевская, подвижная девочка с пышными волосами. Впрочем, она не только хорошо стреляет, она танцует и поет, читает стихи, с удовольствием занимается с младшими школьниками, являясь октябрятской вожатой.

21 января 1932 года — незабываемый день: Миру приняли в комсомол. И снова девушка с октябрятами и пионерами. Она всегда в окружении детей: в школе, на сцене, в стрелковом кружке, на многолюдных праздниках-маевках, которые проводились обычно в каховской степи, там, где еще недавно вихрем неслись боевые тачанки.

А вскоре Мира вместе с работником райкома комсомола Петром Повстяным открывает в Каховке Дом пионеров, под который было отдано здание синагоги. Ве-

рующие смотрят косо: "Великий грех на душу берешь!" — а в бывшем молитвенном доме уже звенят детские голоса, и радуется Мира Милюевская — юная заведующая Дома пионеров.

А в тридцати километрах от Каховки создавался тогда зерносовхоз "Красный Перекоп". Ей сказали: "Надо!", и Мира поехала в распоряжение политотдела налаживать пионерскую работу в совхозе. Злоба классовых врагов, гибель от их руки друзей и близких, победная поступь социализма — все знакомо девушке из Каховки, комсомолке 30-х годов.

Среди литовских детей

Маленький зеленый прямоугольник. Это железнодорожный билет для проезда в жестком вагоне. 000057 — номер билета. 48-85 — его стоимость в рублях и копейках. Каунас — Москва. Это маршрут. А сверху и снизу пробито: 17.VI.41.

... В Каунас, где служил ее муж, Мира приехала осенью 1940 года и сразу окунулась в жизнь молодой республики, недавно принятой в состав советского государства. Литовский народ начинал новую жизнь. В ЦК комсомола Литвы Мире предложили работу с пионерами. Дело знакомое и любимое. Но как работать с детьми, если не знаешь их языка, не знаешь обычаев и традиций этого народа? Она — заместитель директора Дома пионеров. Собственно, Дома пионеров еще нет, есть только здание бывшего итальянского посольства, которое нужно переоборудовать.

И девушка из Каховки берется за работу. Ее энергии и упорства хватает на все. Договорилась со строительными организациями — и скоро в Доме пионеров был сделан прекрасный зал, оборудованы комнаты для кружков. Побывала в театре оперы и балета — и вскоре в одной из комнат стал заниматься балетный кружок, которым руководила замечательная балерина. Хорошие руководители были и в других кружках. Мира изучала литовский язык, а постоянное общение с детьми и взрослыми помогало быстрому его усвоению. Она растила маленького сына. Везде успевала, все делала с душой, хорошо.

Молодая женщина с Украины стала большим другом литовских детей. Для них все было новым: и сама пионерская организация, и интересные концерты, с которыми они выступали в Доме пионеров и в школах города, и незабываемые встречи в литовском писателем Пятрасом Цвиркой, поэтессой Саломеей Нерис, белорусским поэтом Максимом Танком.

А летом 1941 года пионеры советской Литвы поехали в Артек. Это тоже было новым, это было впервые. Солнечным утром 17 июня нарядные дети оживленно садились в вагон. Взволнованные родители напутствовали их, желали удачи Мире Михайловне, которая в качестве представителя ЦК комсомола Литовской республики сопровождала детей до Москвы.

Вот Минск — столица белорусская. В вагон вошли новые пассажиры. Двое из них: широкоплечий мужчина в очках и другой, высокий, худощавый, помоложе — сразу завладели ребячьим вниманием. Это были поэты Самуил Маршак и Александр Безыменский, которые ехали в Москву. Они оживленно беседовали с ребятами, читали им свои стихи, и дети, не знакомые с русским языком, зачарованно слушали музыку поэтического слова. А Мира была переводчицей.

Приветливо встретила столица будущих артековцев. В ЦК ВЛКСМ Мире сказали: — Вот вам путевка. Поезжайте в Крым. Отдохнете, а потом вместе с детьми вернетесь в Литву.

И она поехала. Сначала в Ростов к родителям, чтобы оставить у них на время своего трехлетнего сынишку. В Ростов-на-Дону Мира приехала 22 июня...

Госпиталь

Пропуск № 52... разрешается хождение по городу Ростову после сигнала "воздушная тревога".

... На улице Горького, где до войны была школа, теперь расположился эвакогоспиталь.

— Я пришла к вам работать, — в голосе не просьба, а повеление. Мужчина в военной форме внимательно посмотрел на невысокую женщину с пышными волосами, она спокойно встретила его взгляд.

— Здесь трудно, — начал было он.

— Я буду у вас работать! — глаза горят, губы упрямо сжаты. Да, он знал: она будет работать в госпитале, такие здесь нужны — и все же сказал:

— Ведь вы были заместителем директора Дома пионеров... Нам нужны медики, нам нужны са-ни-тар-ки! Вы знаете, что это такое?

— Куда мне теперь идти? — вдруг мягко улыбнувшись, сказала Мира, показывая, что разговор окончен и она приступает к работе.

Для нее не существовало работы грязной, все делала легко и быстро, словно играючи, будто всю жизнь была санитаркой и не знала ничего важнее этой работы. И быстрее заживали раны от ее светлой улыбки, от ее добрых глаз. Она совершенно забыла о себе. Да и до себя ли тут, когда кругом столько горя, когда людям нужны твоя забота и ласка. И она щедро несла им все тепло своей души, ухаживала за больными, перевязывала раны, была секретарем комсомольской организации госпиталя. Овладела специальностью медицинского статиста — пришлось считать ранения: пулевые, сквозные и прочие. Цифры, цифры, а за ними — война, огромное горе и великий подвиг народа.

Война приближалась к Ростову, все чаще раздавался сигнал воздушной тревоги, когда выла сирена. Мира с противогазом через плечо и санитарной сумкой бежала по улице Горького, она спешила домой — тут недалеко. А через несколько минут уже бежала обратно, прижимая к груди сына. Когда они рядом, мальчику ничто не угрожает. И молодая мать берется за носилки, бежит вместе с другими вверх по лестнице, в палаты, потом несет раненых вниз, по коридору на улицу. И снова вверх и вниз, вверх и вниз — не уставая. Сын в госпитале, здесь. Его присутствие удваивает силы.

Эвакуация

"Мира, пиши, как у тебя дела с ребятами. Ты молодец, ты умеешь прекрасно работать! Ведь это очень большое дело, которое ты так замечательно организовала в гарнизоне. Доведи его до конца. Желаю тебе успеха, верю, что концерт ваш пройдет блестяще!" (Из письма подруги).

... Волна войны быстро катилась на восток. События сменялись, как в калейдоскопе: эвакуация, с ее суетой и беспорядком, паникой и строгой организацией; Нахичеванский вокзал и страшный бой, кровь и смерть, детский плач...

Вот голос секретаря райкома: "Коммунисты и комсомольцы, ко мне!" Вот станция Курская, колхоз "Ротфронт", где она, девушка из Каховки, работает прицепщицей на тракторе, идет в чулках за плугом.

А потом был военкомат, куда ее вызвали, потом женотдел при Северо-Кавказском военном округе, организаторская работа среди эвакуированных жен военнослужащих. Более 700 женщин — ведь это большая сила. И они делали все, чтобы жизнь в эвакуации протекала нормально, и работы хватало на круглые сутки. Они рыли противотанковые рвы, оставляя своих малышей в детском комбинате, который сами же организовали.

На правах хозяев встречали женщины эвакуированных ленинградцев — эшелоны истощенных блокадой людей. Мыли их в бане, стригли и брили, размещали по квартирам, лечили и кормили, строго следя за режимом питания этих обессиленных людей, ставили их на ноги.

А Мира Михайловна создала детский ансамбль песни и танца. В госпиталях звенели ребячьи голоса, звучали песни довоенного и военного времени. Дети пели о священной войне, о святой ненависти к врагам, о героизме советских людей. Чистые детские голоса утверждали непобедимость человеческого духа и веру в светлый завтрашний день.

На Урале

"В семи километрах от соцгорода, в живописном месте расположен пионерский лагерь Базстроя. Четыре больших спальных помещения полностью готовы и ждут своих юных обитателей. Заканчивается оборудование кухни и столовой, строится физкультурная площадка. На днях в лагерь въезжают 250 детей фронтовиков и лучших производственников строительства".

Так писала городская газета в 1943 году. Это было в глубоком тылу, на Урале, где ковалась победа над врагом. Сюда по вызову сестры приехала Мира Михайловна с родителями и сыном Володей.

Строился завод, вырастал новый город. Кипучей жизнью жили комсомольцы: проводили рейды, помогая руководству строительства выявлять недостатки в работе автотранспорта, проверяли выполнение соцобязательств, проводили воензированные сборы, литературные вечера, интересно и по-деловому проводили комсомольские собрания, которые начинались и заканчивались песней.

И вместе во всеми — комсомольский секретарь Мира. Позднее друзья напишут ей: "Когда готовились к Новому году, забрели мы в бильярдную и вспомнили, как там делали серпантин, вязали гирлянды, а потом спали на бильярде. Тогда, в войну, все делалось как-то лучше, от всей души и с любовью. Все время вспоминаем тебя. Привет Вовочке". И еще: "Пишем тебе как нашей комсомольской маме. Дуся у нас молодец. Ее так же уважают все комсомольцы, как любили и уважали своего секретаря Миру Михайловну. А девушки из управления говорят своему секретарю Грише: "Ты без строгости и требовательности работу у нас не наладишь. Вот когда Мира была, так она и отругает, бывало, за дело, и работа у нас идет".

Зимой — с комсомольцами, на работе, в недавно построенном клубе, а летом, конечно, с детьми. 1943 год, идет война, а для детей фронтовиков открывается прекрасный лагерь. И радуется начальник лагеря Мира Михайловна.

В городе юности

“25 лет своей жизни вы посвятили развитию культуры на Урале, из них 15 лет — в Качканаре.

В 1957 году, приехав в числе первых на Всесоюзную ударную стройку, вы проявили подлинную любовь к своей профессии. Вами был создан первый коллектив художественной самодеятельности в Качканаре, вы зажигали молодые сердца горячим стремлением создавать прекрасное, прививали молодым вкус к культуре, следили за их творческим ростом. Первопроходцы Качканара помнят концерты, проходившие под открытым небом, на таежных вырубках, где позднее должны были подняться жилые дома. Это были часы праздников для людей, строящих город будущего в тайге, вдали от культурных центров.

Став директором кинотеатра “Юность”, а позднее — директором Дворца культуры, вы умело вели коллективы на большие дела, зажигая в сердцах качканарцев огонь романтики, самоотверженности, трудового героизма. Ваше обаяние, щедрость души, целеустремленность рождают в окружающих хорошие чувства, стремление сделать что-то доброе, нужное людям.

Ваша многолетняя деятельность прошла через годы первых пятилеток, Великой Отечественной войны и мирного строительства. И всегда вы были на трудовом посту, щедро служа людям”.

Так писали в приветственном адресе качканарские горняки и строители, когда Мире Михайловне Мальцевой исполнилось 55 лет.

...Скромный клуб “Строитель” стал поистине очагом культуры для первых качканарцев, которые рассуждали: “Есть две формы жизни: горенье и тление. Гореть — значит бороться. С кем? За что? Против кого и чего? Как организовать свою жизнь, чтобы ее можно было охарактеризовать словом “горенье”? Стремясь ответить на эти вопросы, молодые строители проводили диспуты и провозглашали: “Да здравствует горенье!” На тематических вечерах “Если тебе комсомолец имя”, “Счастье трудных дорог” они горячо спорили о смысле жизни.

Коллектив художественной самодеятельности Качканара скоро стал одним из лучших и в городских смотрах, проходивших в Нижней Туре, занимал первые места по массовости, идейному содержанию программы и качеству исполнения. На сцене “Строителя” самодеятельные артисты ставили пьесы Шиллера и Арбузова. Мира Михайловна умела сделать содержательным быт и досуг молодежи и была неистощима на выдумку.

Интересную работу со зрителями проводил под ее руководством и кинотеатр “Юность”. Особенно с юными зрителями. Члены созданного ею детского кинотеатра “Чайка” сначала вели работу в детской комнате кинотеатра, заботились о том, чтобы дошкольники и младшие школьники не скучали, пока их родители смотрят фильмы. Потом “Чайка” стала готовить и проводить увлекательные киноутренники, снимала фильмы о жизни школы. За работу с детьми, пропаганду лучших кино-

фильмов и другие полезные дела качканарская "Чайка" была награждена поездкой в Москву, где ребята посетили киностудии, присутствовали на съемках фильмов, встречались с известными киноартистами.

А в день торжественного открытия Дворца культуры качканарцы слушали оперу Верди "Травиата" в исполнении артистов Свердловского театра оперы и балета. В следующем году свердловчане снова побывали в Качканаре и во время гастролей познакомили его зрителей с операми "Русалка", "Демон", "Искатели жемчуга", балетами "Спящая красавица", "Щелкунчик", "Пер Гюнт". И все это по инициативе Миры Михайловны, которая хотела приобщить жителей города юности к большому, настоящему искусству.

Она любила этот город. Она вдохновенно рассказывала о нем пионерам и школьникам, комсомольцам, молодым рабочим — тем, кто моложе Качканара и не знает его славной истории. Ее, коммунистку М.М.Мальцеву, депутата горсовета, почетного члена орденоносной городской комсомольской организации, председателя городского совета ветеранов комсомольского и пионерского движения, мать троих сыновей, простую женщину с доброй улыбкой, знали в Качканаре все. И новые поколения качканарцев любили Миру Михайловну так же, как первостроители города юности. Но по-прежнему ни она сама, ни молодежь как-то не задумывались о ее возрасте. Потому что каждому рядом с нею было хорошо и интересно.

Ходила она по улицам города, а навстречу порывистый качканарский ветер — словно испытывают тебя этим ветром... Много ветров и жизненных бурь испытывало девушку из Каховки, проверяя ее женскую верность, материнскую любовь, измеряя ее мужество и преданность Родине. Девушка выстояла, не сломилась, даже в самые мрачные дни сердцем чувствовала: впереди — солнце. Ведь рядом с нею было столько хороших людей. У них она черпала силу, а упорству училась у ветра.

...Был октябрь 1977-го. Дул осенний, неласковый ветер. На землю медленно падали сухие листья. А над Дворцом культуры тихо лилась музыка, звучала "Лунная соната" Бетховена. Сюда, во Дворец культуры, с утра до вечера шли и шли качканарцы. Шли, чтобы проститься с Мирой Михайловной Мальцевой. Она и умерла здесь, во Дворце, куда пришла накануне вечером, чтобы послушать концерт симфонической музыки. А теперь в фойе большого зала стоял гроб с ее телом, стояли пионеры в почетном карауле, здесь были родные и друзья. Здесь был весь Качканар, печальный и скорбный, признательный.

Одни плакали — горько и безутешно. Другие, глубоко задумавшись, молчали. Третьи вполголоса беседовали — о ней, о Мире Михайловне.

— Не могу представить, что ее нет... Так неожиданно! — говорила женщина лет сорока, вытирая беззвучные слезы. — Даже не верится...

— А ты и не верь, — успокаивал ее муж. — Не верь! Понимаешь, смерти нет! Я сам это только сегодня понял. Понял впервые и очень отчетливо. Для меня Мира Михайловна всегда жива, как живы первые палатки, хотя их давно нет, как жива наша первая елка в "Строителе", помнишь?.. Ты посмотри, какой город отгрохали, какой Дворец!.. Живет Качканар, продолжается!

И жизнь продолжается. Каждый год в Качканар приходит новая весна. Каждый год в этот мир приходят новые качканарцы. Перед городом юности открываются новые горизонты. Горизонты двадцать первого века.

КРАСНОПЕВЦЕВА Галина Петровна

У истоков Качканара

очерки

Художественное оформление — ООО "Издательский дом "ИКаР"

Бумага "Вишера" Гарнитура "Латинская". Тираж 100.

Книга набрана и подготовлена к печати ООО "Издательский дом "ИКаР".

624356, г.Качканар, Свердловской обл., ул. Свердлова, 4, тел. 2-33-30.

Издание осуществлено при участии

ООО "Редакция газеты "Качканарский рабочий"

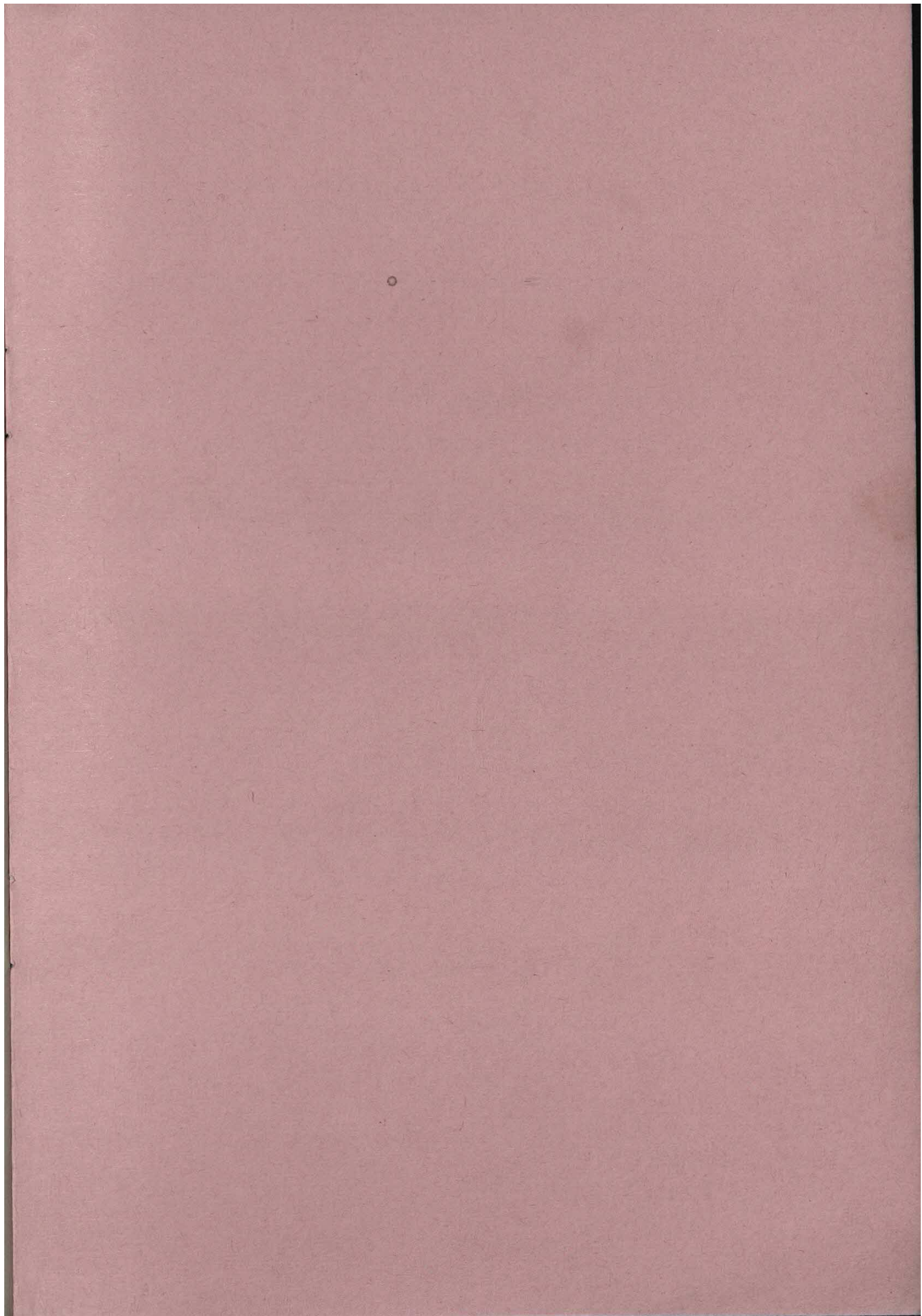
Отпечатано в ООО "Скиф" г. Качканар, ул. Тургенева 1,

тел./факс (34341) 6-18-91

Выражаю сердечную благодарность редакции газеты "Качканарский рабочий" и Издательскому Дому "ИКаР" за издание этой книги.

Автор.

Не потому ли Качканар
зовут городом юности,
что юность —
слово женского рода?
Не потому ли Качканар
зовут городом юности,
что девушки и женщины,
стоящие у его истоков,
подарили ему свою нежность,
свои самые светлые мечты?

Дорогие мои!
Я преклоняюсь перед вашей
душевной красотой и силой!

Спасибо вам
за Юность, Весну и Песню,
которые вы несли и несете
в своих сердцах!

Автор

Изготовлено в ООО "Издательский дом "ИКАР".
г. Качканар, ул. Свердлова, 4. Телефон 2-33-30.